

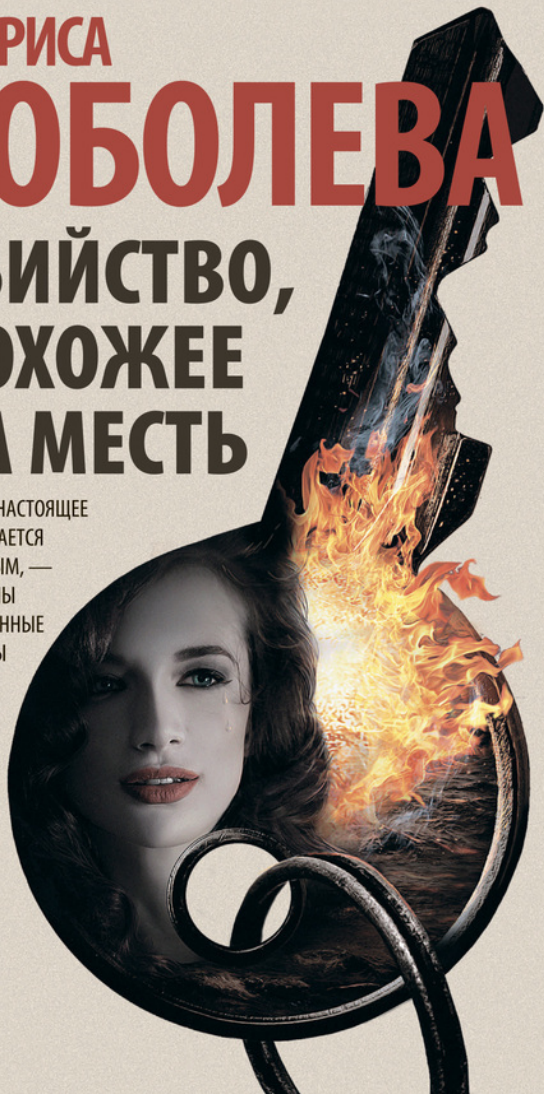
ЛАРИСА СОБОЛЕВА

УБИЙСТВО, ПОХОЖЕЕ НА МЕСТЬ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева

Убийство, похожее на месть

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063151

Убийство, похожее на месть : [роман] / Лариса Соболева: АСТ;

Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087727-0

Аннотация

Двадцатилетней Сандре совсем неплохо жилось с мамой и бабушкой. Но они умерли. Зато появился отец, это после двадцатилетнего отсутствия! И вовсе не воскрес после гибели в «горячей точке», как объясняли ей в детстве, а вернулся после отсидки в тюрьме. Правда, бабушка перед смертью призналась зятю, вору в законе по кличке Бельмо, что у него есть дочь. Тот от радости чуть с ума не сошел, решил завязать с преступным миром и кинуть к ногам дочери ворованные миллионы. Только у строптивой доченьки нет никаких чувств к «папе». Так бы и не сошлись никогда два одиночества, если бы Сандру из-за отцовских денег не взяли в заложники...

Книга также выходила под названием «Море остывших желаний».

Содержание

1	5
2	18
3	34
4	49
5	65
6	82
7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Лариса Соболева

Убийство, похожее на месть

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

*** * ***

1

– Дорогая!

Сандра, молоденькая сочная девушка с ярко выписанной дерзостью на смуглом личике, поглядела на гостя абсолютно без интереса, хотя он и назвал ее «дорогой». В раздумье она перетираала зубками кусок жесткого мяса (ведь ее оторвали от обеда), не решаясь бесцеремонно захлопнуть дверь перед физиономией незнакомца с бородкой Чингисхана. Он был смешон и напоминал клоуна. Наверное, из-за улыбки во весь большой рот на длинном лице, обнажавшей крупные зубы, и по-дурацки вытаращенных глаз, которые у него и так навывкате. Однако стильный костюмчик на сухощавой фигуре говорил, что это человек из серьезной среды, поэтому Сандра, кое-как проглотив кусок, вежливо спросила:

– Тебе чего, дядя?

Счастливая улыбка слетела с лица клоуна, он озадачился:

– Ты Сандра?

– Ну, я. Дальше что?

– Я твой папа.

Сандра вздохнула с нарочито показным сожалением и захлопнула дверь. Мужчина, оставшийся за ней, которого звали, между прочим, Бельмас, потоптался в замешательстве, потом снова позвонил. Девушка открыла:

– Опять ты?

– Разве твоя бабушка обо мне не рассказывала?

– О тебе? – хохотнула Сандра. – Нет.

– О твоём папе, – уточнил он.

– А, о папе... – протянула Сандра, приподняв подбородок и засверкав бесовскими глазами. – Как же! Рассказывала. Говорила, что он мерзавец, подлец, негодяй и свинья. Так это ты?

Ехидная улыбка на сочных губах Сандры ясно говорила: не верю тебе и не поверю никогда.

– Это я... то есть не я... то есть... – растерялся Бельмас. Он поправил галстук, сглотнул волнение и вдруг возмутился: – Она не права! Позови ее.

– Опоздал, дядя папа. На полгода. Бабушка умерла.

И дверь захлопнулась. Бельмас спускался по ступенькам медленно, разочарованно и с обидой бубнил себе под длинный нос:

– Старая карга... Не сказать девочке о моем существовании! Чтоб тебе сейчас икнулось в гробу... Чтоб ты там билась головой о крышку...

У Бельмаса была причина негодовать по поводу несостоявшейся тещи. Год назад Клавдия Никитична разыскала его в колонии, добилась свидания. Он, признаться, глаза выпучил, хлебрезку раскрыл и онемел. Его всемирный потоп так не удивил бы, или пришелец с другой планеты, или внезапное освобождение с извинениями, но появление Клавдии Никитичны с ее брезгливой физиономией весьма удивило.

Бельмас сел на стул, ладони положил на колени и тарасился на воплощение гордыни, высокомерия и презрения. Она сильно сдала, так что и узнать трудно, но он узнал бы ее в любом случае, несмотря на истонченную кожу в миллионах морщин, подпортившую когда-то красивую женщину. Узнал бы по непримиримым глазам, по властному лицу, по тонким поджатым губам и крючковатому носу. Ему стало не по себе от затянувшейся паузы, Клавдия Никитична прищуривала и раскрывала глаза пумы, изучая его. Наконец она сказала:

– Ну, здравствуй, Георгий... Гоша... Жора...

– Здравствуйте, – пролепетал он опасливо.

Бельмас по кличке Бельмо, который выделялся среди собратьев особым куражом и умом, который проявлял наглую смелость, где надо и не надо, чем снискал уважение и почитание, откровенно боялся старухи. Боялся, как дикий зверек боится пожара в лесу, и гадал: чего это она вздумала навестить его после стольких лет? А прошло – ого! – почти двадцать два года! Бельмас обратил глаза внутрь: неужели и он постарел, неужели так же препогано выглядит? Ни разу не задумывался, что годы-то летят, как психованные, изменяя людей до неузнаваемости. Вот уже и ему сорок семь. Спрашивается: какого черта он затрепетал перед старой каргой? Бравируя, Бельмас закинул ногу на ногу и спросил с ухмылочкой:

– Чем обязан?

– Не буду говорить, – высокомерно начала она, – что ви-

деть мне твою рожу – хуже горькой редьки. Это ты сам знаешь. Но обстоятельства сложились не в мою пользу.

– Что же за обстоятельства привели вас к моей рожке? – хихикнул Бельмас.

– Внучка.

– Ваша внучка?

– И твоя дочь, – произнесла Клавдия Никитична сухо. Просто проскрипела, как старая, высохшая коряга.

На Бельмаса будто ушат холодной воды вылили. Кажется, он ослышался.

– Повторите, что вы сказали?

Ей явно не в кайф было говорить, но она процедила на одной ноте, сверля Бельмаса ненавидящими глазами:

– У тебя есть дочь. Зовут ее Сандра. Отчество Георгиевна. Ей двадцать один год.

Надо ли говорить, что у Бельмаса после каждого слова старухи подпрыгивало сердце, как лягушка на сковородке? Надо же, а до этого он и не знал, где оно у него находится. Дочь? У него?! Невероятно! От таких новостей людей инфаркты хватают, но Бельмас крепок телом и духом, и он вымолвил, хотя и с трудом, однако нежно:

– Сандра... дочь... моя... И вы столько лет молчали?!

– Я бы и сейчас не приехала, когда б не нужда.

– Вам деньги нужны? – прищурился он, восприняв фразу по-своему: старушка надумала вымогательством заняться.

– Дурррак, – смачно каркнула она, а на ее лице появи-

лось гадливое выражение. Да, Клавдия Никитична дружит со спесью. Она спит с ней, ест с ней, дела делает с ней. А оскорбить ей Бельмаса – бальзам на душу. – У меня другая нужда, тебе необязательно знать о ней. А что я должна была говорить Сандре? Ты считаешь, тобой гордиться можно? Хм, отец моей внучки – потомственный вор, выродок рода людского, который провел по тюрьмам большую часть своей гнусной жизни... Короче, так: я даю тебе шанс, потому что... неважно. Ты обязан присмотреть за Сандрой.

– А Нина? Где она? – спросил он, замерев.

– На кладбище, – резко бросила старуха, а у него сердце на этот раз ухнуло вниз. – Нина умерла десять лет назад от рака. Я воспитывала Сандру, теперь она – твоя забота, если в тебе осталась хоть капля человеческого. Сидеть, как я выяснила, тебе еще год, так ты подготовься и выполни свой долг. Вот адрес.

– Но почему я должен верить, что Сандра моя дочь? – опомнился он.

– Потому что это говорю тебе я, – проскрипела Клавдия Никитична. – А мне говорить тебе о Сандре – нож в сердце. Я стара, могу умереть, поэтому хочу передать внучку тебе. Больше-то некому, а ты все ж таки хоть и плохонький, но отец. Боюсь я за нее, очень боюсь. Девочка нуждается в опеке.

– Но... – не приходил в себя Бельмас. – Мне трудно поверить...

– Ты поверишь, – убежденно сказала Клавдия Никитична, поднимаясь, – когда узнаешь ее поближе. Но гляди! Затянешь Сандру в свое ремесло, из гроба поднимусь и вырву твое черное сердце. Прощай.

Не верить старухе не было оснований, она бы не притащилась черт-те куда, чтоб только подшутить над ним. И ночью Бельмас не спал – не представлял себе, какая она, Сандра. И видел маленькую девочку в светлом цветастом платьице, с хвостиками и бантиками, в гольфах и со школьным ранцем за плечами. Дочка. Родная кровь. А он даже не догадывался. Это поистине царский подарок судьбы, а говорят, она, в смысле судьба, коварна. Бельмас вздыхал, когда вспоминал Нину, образ которой хранил все годы. Сверху свесился шар на пеньке, вросшем в плечи, – Держава сонно спросил:

– Бельмо, че ты стонешь?

– Я думаю, – сказал мечтательно Бельмас.

– А про что думки?

– У меня дочь появилась. О ней думаю.

Держава скатился на нижние нары, недоверчиво уставился на Бельмаса, поглаживая лапищей грудь. Разница между Державой и комбайном одна: первый умеет говорить. Могущественную кличку получил он потому, что проявлял жгучий интерес к политике. Читал исключительно газеты, а уж когда наступало время новостей по телику, Держава переключал канал, и попробуй возрази, мол, дай кино досмотреть. Правда, возражать никому не приходило в голову, ибо

встречаться с его кулаком ни у кого не было охоты. Все и смотрели новости, а он комментировал: «До чего довели державу!» Или: «Пропала держава». Так и стал Державой.

Он опустил уголки губ вниз, что являлось знаком удивления:

– Дочь? У тебя?! Откуда взял?

– Откуда дети берутся? – усмехнулся Бельмас. – Оттуда и взялась. Сегодня узнал. Освобожусь – завяжу. Баста. У меня теперь смысл жизни есть. Воспитанием заняться придется. Куплю самую большую и красивую куклу, конфет...

– А сколько ей лет?

– Двадцать один.

– Хе! Куклу он купит! Ты того, да? – Держава покрутил пальцем у виска. – На фиг ей твои куклы? Выросла она.

– Все равно куплю. Все, что пожелает, куплю. У меня же бабок немерено.

И мечтал Бельмас о встрече с дочерью, рисовал самые душещипательные картины, от которых из глаза катилась скупая мужская слеза, но крупная. Он считал дни до свободы, жил в предвкушении настоящего человеческого счастья. Ведь он – отец, его душу согревало это слово.

Первым, говоря на языке уголовников, солнце засветило Державе и Горбуше, а были они оба верной свитой Бельмаса. Обоих он откомандировал в город, где жила Сандра с несостоявшейся тещей, чтоб до его освобождения присмотрели за девочкой.

– Бабки возьмете у Японца, – отдавал он последние распоряжения. – Должок у него есть передо мной, и большой. Вот тут я адресок нарисовал... От меня привет передадите и записку. Квартиру снимите. Бабки заберите все до цента.

– Сколько? – поинтересовался Держава.

– Триста пятьдесят косарей в американской валюте.

Держава протяжно присвистнул. Но он надежный, проверенный, не соблазнится. Как и Горбуша. Идти им некуда, к тому же привязались к Бельмасу, потому что он справедлив, а за подлость – оба знали прекрасно – наказывает безжалостно. Хотя не в страхе дело, просто еще существуют люди, с которыми и в разведку пойдешь, и одеялом, даже если оно одно, поделишься. Но не эти причины побудили Бельмаса довериться Державе с Горбушей. Внутри у него нехорошо свербело. К деньгам он относился философски: как пришли, так и ушли, только так было раньше, теперь ситуация изменилась – деньги нужны позарез. Как только Бельмас узнал, что у него есть дочка, написал Японцу одно письмо, второе, а друг ни строчки в ответ. Уж не помер ли?

Четыре месяца спустя Бельмас расправил крылья и полетел к дочурке. Его ждали нехорошие новости: Японец бабки не отдал, сказал, что только лично в руки Бельму вручит. Что ж, разумно не отдавать бабки неизвестно кому. Однако под ложечкой протяжно ныло: не хочет Японец возвращать долг. Если так, то придется забирать, что сопряжено с некоторыми осложнениями. Но Бельмас по натуре оптимист, рассчи-

тывал на благоразумие Японца.

– Вы-то как жили, на что? – спросил он у Державы.

– Горбуша подрабатывал то грузчиком, то на стройке. Я ж за твоей дочкой глядел.

– Ну, ладно, плохие времена прошли, – сказал Бельмас, похлопав обоих по плечищам. – Начинаем новую жизнь, это я вам говорю.

Кое-что он припрятал в давние времена на черный день и сразу откопал клад, зарытый им же. Продал пару вещей, купил машину и костюм, ведь к дочери следовало явиться при полном параде. Права купил себе, а также Державе и Горбуше, без прав ведь машина – железо.

– Ну а как моя девочка? – спросил он, ожидая услышать восторги. Мол, и красавица, и умница, и труженица – в общем, нормальная девочка.

– Кипяток в морозильной камере твоя Сандра, – огорошил Держава. Огорошил не столько словами, сколько тоном. Очень уж чересчур негативно прозвучали его слова.

– Что ты имеешь в виду? – захотелось разъяснений Бельмасу.

– Сам увидишь.

Ничего такого он не увидел. Собственно, толком даже не рассмотрел Сандру, ведь диалог с ней не длился и минуты. Девочка не признала в нем папу, потому что карга ей не рассказала про родного отца. Не сволочь, а? Не поленилась приехать в колонию, сообщила о дочери, требовала присмотреть

за ней, а сама не сказала Сандре о нем. Нет, сказала! Будто папа Сандры мерзавец, негодяй, подлец и свинья. Зачем она так сделала? Потому что вредительница, каких в советское время расстреливали. Навредила ему перед смертью, заодно и Сандре. Да если б он знал, что у него есть дочка, жизнь сложилась бы по-другому, да он бы для нее... Эх!

– А как же кровь? – произнес он вслух потерянно. – Кровь должна заговорить, подсказать... Это не моя дочь. Моя дочь узнала бы меня без старой карги.

Может, Клавдия Никитична перед смертью нарочно его подразнила? Отомстила за Нину? Но от мысли, что он отец, Бельмас отказаться уже не мог. И надумал проверить еще раз голос крови. Бельмас уселся на скамейку на детской площадке, рядом поставил коробку с куклой (купил самую дорогую и самую большую), на нее водрузил коробку конфет. И затянулся сигаретой. Он ждал, когда Сандра выйдет. Курил, волновался, думал, как ей доступно объяснить, что он не разыгрывает ее. И надеялся почувствовать энергетический поток, который потечет от него к Сандре и от нее к нему.

Во дворе появился Горбуша, поискал глазами Бельмаса, замахал руками, стараясь обратить на себя внимание. Но Бельмо сидел, сцепив на колене пальцы рук, в глубочайшей задумчивости, ничего не замечая вокруг. Горбуша размерчиком как и Держава, но посимпатичней и помоложе, а также добродушней. В колонию залетел по иронии судьбы (такие преступления не совершают, но об этом он не говорил, вы-

вод Бельмас сделал сам). Горбуша потому и получил рыбье прозвище, что молчун – никто не слышал, чтоб он хотя бы слово сказал, значит, немой. Он подошел к скамейке, Бельмо поднял на него тоскливые глаза и махнул рукой – уйди. Горбуша понимающе покивал, засим поплелся со двора.

Прошел еще час ожидания и сомнений. Дверь подъезда распахнулась, появилась Сандра. Замешкалась, копаясь в сумочке. Только сейчас Бельмас рассмотрел сие произведение, к которому, по словам подлой Клавдии Никитичны, он причастен. Статная. Это не в него. Наверное, статью Сандра в бабку пошла. Клавдия Никитична никогда не сгибалась, на плечах у нее так и покоилось достоинство, которое она боялась нечаянно уронить. Формы у девочки мамины – один к одному. На стройные ножки Нины заглядывались все парни в округе, а на ножках раскачивалась лучшая в мире попка. Ну и пусть у нее была не самая тонкая талия. Никогда не любил Бельмас считать женские ребра, а вот подержаться за выпуклую грудь, чтоб в зобу дыханье сперло, – это любил. Ему неважно было, какая там голова приклеена к шее. До Нины неважно было. Но потому она и запала ему в душу, что красивее девушки он не знал. Сандра в нее. Формы мамы завершали длинная шея (кстати, у него тоже шея длинная) и прекрасная головка, с которой струились до пояса светлые волосы. Правда, Нина была круглолицей, а у Сандры лицо удлинненное, с резко обозначенными скулами. Как у него.

Бельмас очутился у нее на пути. Сандра, на каблуках силь-

но превышавшая его в росте и оттого глядевшая на папу свысока, нахмурила изогнутые брови и неласково сказала:

– Опять ты?

Не заговорил голос крови. Значит, дочь не его. Но он предпринял еще одну попытку разбудить дочерние чувства.

– Сандра, твоя бабушка, Клавдия Никитична, год назад нашла меня и сказала, что ты моя дочь.

– А до этого где ты был?

– В... командировке. Длительной. Далеко.

– Значит, настаиваешь, что ты мой отец?

– Так сказала твоя бабушка...

В первый момент Бельмас не понял, что в него врезалось. Во второй момент он понял, что уже не стоит на земле, а летит куда-то назад, словно дьявольская сила мощным порывом ветра уносила его от Сандры. В третий момент он задом встретился с землей и врезался спиной в скамейку, на которой ждал дочурку. В четвертый момент перестал ощущать челюсть и нос, словно то и другое отсоединились от лица. Бельмас недоуменно потрогал челюсть, мигая веками. А дочурка поставила на каменный бордюрик ногу, выставила указательный палец и отчеканила:

– Это тебе за маму. А будешь и дальше настаивать, что ты мой папа, получишь и за мое обделенное, без отца, детство. Понял, дядя папа?

Сказав, она зашагала со двора, игриво покручивая маминной попкой и размахивая сумочкой на длинном ремешке.

Держава и Горбуша помчались к Бельмасу. Сандра на них – никакого внимания, будто в мире существует она одна. Парни поставили на ноги обалдевшего Бельмаса, Держава констатировал:

– Состоялась встреча папы с дочкой. Зубы хоть не выбила?

– Зубы? – переспросил Бельмас, трогая челюсть. – Нет.

По дороге к машине он достал платок и утер кровь на губе, затем счастливо улыбнулся:

– Моя дочь. Моя!

2

В срочной химчистке почистили костюм, затем Бельмас велел Державе ехать к Японцу. Но, остановившись у офисного здания, присвистнул:

– Фью! Японец и правда в этом стеклянном скворечнике свил гнездо?

– Занял шестой этаж, – ответил Держава, поглаживая руль. – Здесь у него офис. А живет в собственной хате на Барабанке.

– Это же деревня.

– Была когда-то. Теперь в черте города, там живут лучшие люди.

– Вези на Барабанку, – сказал Бельмас. – Хочу посмотреть хату.

Когда-то здесь была типичная южнорусская деревня – чистая, ухоженная и не пьяная, а работающая. Еще лет пятнадцать назад весной можно было увидеть тут прелестную картину: хатка-мазанка, явно одинокая бабушка лет восьмидесяти белит внешние стены, а перед хаткой палисадник, на солнце греется кошка, мирно сосуществуя с дворняжкой. Зайдешь в такую хатку, и в глаза бросается не бедность, она была привычной, а идеальнейшая чистота, дорожки, вязанные вручную из лоскутков, занавески с вышивкой ришелье, на бабушке беленький фартук, иногда в латках, и белейший

же платочек. Угощала такая старушка кислым молоком и воздушным белым хлебом, который уже редко, но пекли сами. И становилось тепло от кружки молока, мудрых глаз и постукивания ходиков, олицетворявших нечто настоящее.

Теперь это ушло. Нынче на Барабанке в глаза бросались двух-, трехметровые заборы, а за ними высились крыши частных владений, куда не зайдешь без особого разрешения. Держава остановил машину, указав на ограду из щитов:

– Вон за тем штакетником.

Бельмасу пришлось выйти и подняться на цыпочки, чтобы разглядеть «домишко». Однако увидел лишь крышу и часть окна под крышей. Он вернулся в машину, задумался, почесывая указательным пальцем возле губ.

– Баблосы любят только брать, – угадал его мысли Держава. – А отдавать не любят.

– Деньги мои, – слабо возразил Бельмас.

– Были твои, – сказал Держава. – А попали ему в руки, стали его.

– Заберем, – заявил Бельмас. – Поезжай в город.

Дорогой он обдумал некоторые тонкости, которые сильно производят впечатление, а он обязан произвести на Японца самое богатое впечатление в прямом смысле. Надо явиться не скромным просителем, мол, отдай, пожалуйста, мои бабки, а захарчеванным чуваком, который не просит подаяний, но свою долю не жертвует на липовую бедность. К счастью, у Бельмаса есть Горбуша и Держава.

Он вошел в магазин, как входят миллиардеры, плюхнулся в кресло и окинул продавца скучающим взглядом.

– Видишь этих гладиаторов? – небрежно указал он на Державу и Горбушу. – Подбери им черненькие брючки и рубашечки... качественные, а не барахло. И пиджачки летние... скажем, серого или благородного цвета беж. Да! И кофе мне.

Бельмас из породы людей, которые ценят сиюминутность, проживая ее с настоящим кайфом. На зоне-то не побалуешь, потому каждый час свободы становится высшим благом и наслаждением. Но с появлением Сандры все изменилось, на зону Бельмо больше не ходок. Вырвет бабки у Японца и заживет с дочуркой скромно, но со вкусом. Это ничего, что она папе челюсть чуть не свернула, значит, девочка умеет за себя постоять, что необходимо в современных условиях. Сандра привыкнет к нему, полюбит его, а уж он-то полюбил дочку сразу, с тех пор как узнал о ее существовании. Никогда не думал, что отцовские чувства возвышают в собственных глазах, а Бельмаса просто распирало внутри от слова «папа». Сейчас он листал глянцевый мужской журнал с красотками на страницах и мысленно сравнивал их с дочкой. Бельмас усмеялся, отпивал из чашки кофе, на минуту представляя Сандру в изысканных нарядах, и сравнение было не в пользу красоток.

Держава и Горбуша появились в новом, довольно внушительном обличье. Бельмас пристрастно оценил их, остался доволен. Но, испытывая потребность во внешней атри-

бутике, решил, что не хватает нескольких немаловажных деталей, чтобы два парня соответствовали образу подручных большого человека. Именно детали играют важнейшую роль! Бельмас выбрал для парней стильные туфли, купил черные очки – без них никак, да и лица не запомнятся в черных очках, к тому же вес они придают. Поскольку Держава лысый, ему следовало прикрыть купол. Подходящую шляпу найти оказалось трудней, однако нашли, объездив весь город, купили черные, ковбойского типа. Бельмо посмеивался: недаром у Державы такая кличка, означающая броскость. На эту броскость он и рассчитывал, подбирая прикид для парней.

– К Японцу завтра нагреем, – сказал Бельмас. – А теперь в мое родовое поместье.

Держава крутанул руль.

Родовое поместье располагалось в двадцати километрах от города на хуторе. А представляло собой огороженный заурядным плетнем небольшой участок, где сбоку стоял покосившийся домик из саманных блоков. Здесь когда-то жила его бабуля – царство ей небесное. Конечно, кругом запустение и бурьян в рост человека, но это угол на непредвиденный случай. Бельмас думал, что дом давно развалился, а он стоял. Его не продашь – никому не нужен, да и хуторок почти вымер. Внутри домика все запылилось, тем не менее кровати сохранились, керогаз нашли в сарае, посуду в шкафчике, а большего и не надо. Выпили понемножку с Державой – Гор-

буша, тот вообще в рот не берет, – только чтоб нутро умиротворить, легли спать.

На рассвете, когда парни сладко похрапывали, Бельмас еще раз залез в клад, пролежавший под полом двадцать лет. Ну, так! Пора настала им воспользоваться. Он достал золотые часы с цепочкой, на безымянный палец надел перстень с синим камнем, и довольно. Разбудил парней. Когда те умылись колодезной водой, поели и выпили чаю, он кинул на стол две золотые цепочки и велел:

– Змейки повесить на гривы (что означало: цепочки повесить на шеи). И – в город, на базар.

Сказано – сделано. На рынке он медленно шел вдоль рыбного ряда, парни (без шляп) сопровождали его, отставая на пару шагов.

– Мужчина, вы до меня идете! – вдруг перегнулась через прилавок краснощекая толстушка.

Бельмас задержался. Собственно, его привлекла не толстуха, а надпись «Сельдь вкуснейшая и обольстительная».

– Интересно, как это селедка будет меня обольщать? – недоуменно пробурчал он, вытянув шею и вглядываясь в дальние прилавки.

– Возьмете ее в рот и почувствуете, – затарахтела продавщица, кидая на весы сразу три селедки. – Мужчина, куда вы смотрите? На меня смотрите! И запоминайте, у кого брали селедочку.

– Я пока еще не брал...

Тут Держава указал рукой в сторону:

– Она там.

Бельмас подошел к прилавку. Сандра узнала его, закусила губу, взгляд направила исподлобья.

– Мне... – замылся Бельмас, – рыбку какую-нибудь.

Сандра поискала в груде соленых килек, вытащила за хвостик самую помятую, с мизинец величиной, кинула ее на весы, стрелка которых даже не дрогнула. Но девушка долго смотрела на циферблат, долго что-то считала, шевеля губами, потом бросила рыбку в целлофановый пакет и протянула папе:

– Сто рублей.

– Офонарела?! – возмутился Держава. – Мародерка!

– Это рынок, – огрызнулась Сандра на манер базарной бабы. – Какую хочу, такую цену и устанавливаю. Не нравится – ищите дешевую рыбку.

– Вот как вызову инспектора... – пригрозил Держава.

– Ша! – поднял руку Бельмас, прекращая спор, и небрежно кинул стольник на прилавок. – Сандра, надо поговорить...

– Тебе надо? А мне нет. – Взяла деньги и улыбнулась. – Что еще желаете? Пакетик с рыбкой заберите, мне чужого не надо.

Бельмас передал легонький пакет Горбуше, но не уходил:

– Сандра, я недавно узнал, что ты моя дочь...

– Гражданин, – строго обратилась к нему девушка, – отой-

дите от прилавка со своими пацанами. Вы мне покупателей отпугиваете. – И закричала: – Рыба, соленая и копченая рыба! Селедка, килька, тюлька, скумбрия... На любой вкус...

Опасаясь, что доченька еще раз заедет ему в челюсть, папа решил: на сегодня привыкания достаточно. В машине Горбуша поднял пакет, мол, что с этой килькой, застрявшей там в уголке, делать? Бельмас отмахнулся:

– Да выкинь. Но какова, а? Вся в меня.

– Если б ты был такой, как твоя Сандра, я б не связался с тобой, – сказал Держава. – Куда?

– Самое время с Японцем поздороваться, – чему-то улыбнулся Бельмас. – Не, а вы заметили? У нее глаза мои. Цвет мой. Точь-в-точь! Смотрелся в них, как в свои. Не, а красавица какая! Таких больше нет.

– Андрей Тимофеевич занят, – заверещала в приемной бесформенная женщина в буклях и с ярко-красной помадой на губах. Наверное, как сделала прическу в семидесятых годах прошлого века, так с тех пор забывала расчесаться.

– Любезная, – с претензией на интеллигентность начал Бельмас, – мы подождем. Вы только доложите шефу.

– Как доложить? – потеплела дамочка. Видимо, нечасто встречала культурных людей.

– Моя фамилия Бельмас. Ваш шеф ее знает.

Он развалился в кресле и закинул ногу на ногу, по бокам стали Держава и Горбуша. В кабинете секретарша находи-

лась достаточно долго, посетители могли даже заскучать, а то и задремать, но Бельмас потратил время на обдумывание стратегии.

– Проходите, – наконец вышла и сообщила женщина.

Бельмас подошел к двери, дернул себя за лацканы пиджака, поправляя его. Скосил глаза налево, затем направо – парни стали на исходную позицию чуть-чуть сзади и по бокам.

– Откройте, – кивнув на дверь, приказал он секретарше.

Та потерялась от внезапно проявившейся важности посетителя, но дверь распахнула. И он вошел. Это вошла значимая фигура, хозяин жизни.

Кабинет оказался большой и по конфигурации длинный, что пришлось кстати, – иначе не получилось бы парада-алле. Пока Бельмас шел к Японцу, он с удовлетворением отметил про себя, что у давнишнего друга вытягивается сытая физиономия, покрываясь багровыми пятнами. Так ведь у любого сердечко в пятки уйдет при виде идущей на него триады. Да, особый расчет Бельмаса был на Горбушу и Державу (он едва доставал им до плеч), одетых в черные рубашки, светлые пиджаки, с золотыми цепями вокруг бычьих шей, не снявших черных очков и шляп. Конечно, шляпу не снять в помещении – признак бескультурья, однако в данном случае это тоже была своеобразная презентационная акция. И означала она, что за Бельмом стоит большая сила, а его люди шляпу снимают лишь перед одним человеком – перед ним.

Бельмас без приглашения уселся на стул напротив Япон-

ца. Горбуша и Держава встали за его спиной. Он улыбнулся, будто его появление должно осчастливить Японца, и спокойно произнес, вернее, сообщил:

– А вот и я.

Японец и его предки тоже, естественно, не имели отношения к жителям Страны восходящего солнца. В далекие юношеские годы (а в те годы матом ругаться было не принято) тогдашний Андрейка, веселый паренек с искристыми и хитроватыми глазами, вместо ругательств использовал выражение «япона мать» – так и стал Японцем. М-да, что делают годы с человеком... Японец рожу наел – зашибись! Да и жира накопил во всех частях тела достаточно, чтобы его без очереди отправить на мыло. От того Андрейки остались разве что хитроватые глаза, правда, без веселых искр, зато с ленивой поволокой. За его спиной тоже стояли два парня. Они были в белых шведках и при галстуках.

Итак, старые друзья встретились без объятий и рукопожатий. Японец не встал навстречу, значит, не рад видеть друга. Но ведь между ними пролегли семь лет, которые изменили обоих. Хотя раньше и пять лет их разделяли, и три года, а встречались по-дружески, водку пили. Когда Бельмас входил в кабинет, он еще надеялся. Впрочем, надежда оказалась слишком хрупкой, и в кабинете она сразу разбилась. Японец не просто изменился – переродился в нечто незнакомое, что мгновенно определил Бельмас, вор по призванию, следовательно, неплохой психолог.

– Давно с курорта? – осведомился Японец.

– Месячишко, – продолжал улыбаться Бельмас.

– Выглядишь неплохо.

Мало радовало Японца, что Бельмо выглядит неплохо, а беспокойные глаза он поднял на Горбушу и Державу.

– Мои рынды (то есть, для непосвященных, телохранители), – представил своих парней Бельмо, вскинув кисть руки слегка вверх. После этого он подышал на камень в перстне, потер его о брюки, а то, чего доброго, Японец не заметит небедственное положение друга. – Ты тоже неплохо обставился.

Он обвел взглядом кабинет, дескать, что тут у вас. Остановился на двух парнях Японца.

– Мои референты, – в свою очередь представил Японец мальчиков.

– Потолкуем о деле? – предложил Бельмо.

Японец кинул взгляд назад, референты спешно удалились, Горбуша и Держава остались.

– Дело конфиденциальное, – напомнил Японец и снова устался на Горбушу с Державой.

– От моих гладиаторов я ничего не скрываю.

Гладиатор – не только внушительный типчик, способный к бою, но и тот, кто совершает расправу по заданию воров, и не знать этого Японец не мог. Вот так, легко и красиво, Бельмо сделал намек: вздумаешь подличать – тебе не поздоровится. А ведь Бельмасу явилась неплохая мысль позицио-

ниривать себя как главу мафиозной группы. Припугнуть никогда не мешает. Даже друга.

Японец намек понял, опустил предательские очи, губешки поджал. Не хотелось ему отдавать бабки, ох не хотелось... А Бельмо хочет забрать, потому что это его деньги, с огромным риском добытые его головой и его умением, за них и поплатился он годами заключения. Так за что Бельмо на нарах отдыхал? Чтоб в благородном порыве кинуть бывшему другу скромненький презент в виде трехсот пятидесяти тонн? Да, именно бывшему другу, судя по перекореженной афише Японца. А тот, не поднимая глаз, поставил в известность:

– Все деньги не могу тебе отдать прямо сейчас...

– Частями меня не устроит, – слегка двинул шеей Бельмо.

– Но они в деле, их так просто не изъять...

– А, значит, я получу и проценты? – оживился посетитель. – Сколько там набежало за семь-то лет?

– Не раскатывай губы, – наконец хозяин кабинета поднял на него глаза, залитые алчностью. – Я не сразу их кинул в дело, а по прошествии четырех лет. Раньше боялся. Сейчас всяческие инспекции сильно интересуются, откуда бабки.

– Насколько мне не изменяет память, – взял сухой тон Бельмо, – семь лет назад у тебя не было такого роскошного кабинета и офиса. Кстати, чем ты занимаешься?

– Всем понемногу, – уклончиво ответил Японец.

– Не хочешь говорить, – покривил губы в покровительственной усмешке Бельмо. – Ну, ладно, это мы выясним.

Только хочу напомнить, что семь лет назад ты торговал на рынке ширпотребом. И как же тебе удалось так раскрутиться?

– Ты разрешил мне взять из суммы...

– Пятьдесят тонн, а не всю сумму, – жестко сказал Бельмо. Внезапно он опять улыбнулся, закинул ногу на ногу. – Но аппетит приходит во время еды, не так ли? Понимаю. И сочувствую. Только у нас договор, его надо выполнять. Мне нужна вся сумма. И как можно быстрее. Теперь я сам вложу ее в дело.

– Тогда через месяц обещаю...

– У тебя было достаточно времени, – перебил его Бельмо. – Без малого четыре месяца назад к тебе приходил от меня человек. Но ты его оставил с носом. И на мои письма ты не отвечал. Мне это не понравилось. Неужели за такой срок не мог собрать сумму целиком, зная, что я приду за своими бабками? Но я добрая душа, цени. Даю неделю. Сегодня пятница? Значит, в пятницу... Назначай время.

– В семь, – выдавил Японец с трудом. – После рабочего дня. У нас пятница тяжелый день.

– Лады. Дай мне свои координаты...

Японец кинул на край стола карточку, ее взял Держава и положил в нагрудный карман своего пиджака.

Выйдя в приемную, Бельмас остановил взгляд на симпатичной и ухоженной брюнетке в белом костюме строгого кроя и бирюзовой блузке. Она нервно ходила взад-вперед, а

увидев, что из кабинета выходят люди, поспешно направилась к двери. Бельмас галантно отступил, открыв перед ней створку:

– Мэм, прошу вас...

Женщина была чем-то озабочена, однако поблагодарила и вошла. Бельмас с ходу прикинул, что ей от тридцати до сорока (возраст женщин не поддается точному определению), скорей всего, она одинока и занимается бизнесом. Секретарша запоздало спохватилась, кинулась за ней:

– Ксения, подождите, я должна доложить о вас...

Обе скрылись в недрах кабинета.

Держава толкнул Горбушу, уставившегося на дверь, куда ушла Ксения:

– Рот закрой, а то кишки застудишь. Нам такие дамочки не по зубам.

Андрей Тимофеевич, он же Японец, попросил секретаршу выйти и невольно вжался в спинку кресла – на него шла разъяренная мегера, по лицу которой читалось: сейчас убью. Ксения оперлась руками о стол, наклонилась к Андрею Тимофеевичу:

– Вы обманули меня.

– Сядь! – нашел в себе силы вымолвить он.

Ксения сначала выпрямилась, с минуту постояла, стреляя из зрачков убийственными зарядами. Затем, не сводя глаз с Японца, словно он был способен немедленно унести от

нее прочь, например, в форточку, села на стул. Села боком к нему – поза отстранения, закинула ногу на ногу, локоть левой руки положила на спинку. Он прогнусявил:

– Это бизнес, Ксения...

– Что?! – взвилась она, не дав ему закончить. – Вы развели меня на крупную сумму и имеете наглость невинно заявлять «это бизнес»?! Нет, это мошенничество.

– Но я тоже потерял деньги.

– Ложь! Вы в одной банде с теми, кто облапошил меня. Разве не вы уговаривали меня вложить деньги? И долго уговаривали, потому что вам уже не доверяют.

– Правильно, уговаривал. Потому что дело, как мне казалось, было стоящим. Но я вложил такую же сумму и потерял ее. Кроме нас, деньги вложили еще двое. Они тоже их потеряли. Продукцию не пустили на рынок...

– Я предполагала, что услышу от вас сказки, – поднялась Ксения. – Но я найду доказательства вашего участия в мошенничестве. А потом уничтожу вас.

Не попрощавшись, она вышла, хлопнув дверью.

В машине Бельмо затих, потускнев. Держава не трогался с места. Слишком хорошо он был знаком с подлостью, знал ей цену, а именно подлостью несло от офисного здания, выстроенного для успешных людей. Он понимал, что сейчас Бельмо расставался с другом, а дело это болезненное. Там, где деньги, друзей не бывает, редкий человек не позарится

на чужое, но когда позарился – жди беды. Держава знал цену доверию, знал, как выглядит расплата за него, знал, что за горечью приходит ненависть и как трудно с ней сосуществовать. Но еще труднее – бессилие, когда ничего нельзя изменить, потому что тебя предали, а сила чаще всего на стороне предателя. Поглядывая на Бельмо, Держава догадывался, какие буйные стихии одолевают его сейчас. Он будет бороться за свои бабки не потому, что жаден, а потому, что нельзя уступать. За словом «нельзя», если его заменить словом «можно», стоит разрушительная сила, которая только и ждет лазейки. А потому Бельмо, авторитетный вор, считавший своим главным качеством справедливость, не уступит. И это правильно. Один Горбуша смотрел в окно, как в телевизор, и все ему было по фигу.

– Нет у Японца желания возвращать баблосы, – произнес Держава. – А че ты ему отдал? Другого места не нашел? Закопал бы.

– Ну, во-первых, – заговорил Бельмо с оттенком сожаления, – положение мое было, прямо сказать, хреновое – на хвосте ментазавры висели. Во-вторых, правительства имеют привычку менять купюры на новые, а я не знал точно, сколько мне впаяют. В банк положить, сам понимаешь, нельзя было. Вот и отдал их на хранение другу, а через пару часов меня повязали.

– А не он ли сдал тебя? Встреча ваша совсем не дружеская получилась.

– Теперь не знаю, – вздохнул Бельмо. – Но бабки надо вырвать. Поехали.

– Куда? – спросил Держава.

– На квартиру. Вечером идем в бар.

Держава кинул на него полный сочувствия взгляд и завел мотор. Не повезло чуваку – деньги, судя по всему, не вернут, а тут еще дочь откуда-то взялась и снесла крышу Бельму...

3

Не один Бельмас выкручивал мозги, как мокрую тряпку, придумывая, каким образом отобрать свои же деньги. Японец тоже ворочал извилинами, соображал, как не отдать те же деньги. А тут еще ведьма Ксения принеслась к нему на помеле марки «ауди» десятилетней давности. Так и хотелось ей сказать: «Не хочешь терять – не рискуй. Тебя не под pistolетом заставили вложить деньги, а теперь пошла вон». Но это мелочи, а вот Бельмо...

Ну, потратил Андрей Тимофеевич его деньги. А чего им лежать мертвым грузом? К тому же деньги ворованные, а не нажитые горбом, то есть непосильным трудом. Вот он, Андрей Тимофеевич, бабки Бельма приумножил именно трудом и кровавым потом, та сумма явилась стартом к большим свершениям. Но она стартанула, и от нее остались одни воспоминания.

– Сколько же это будет сейчас на наши? – проямлил Андрей Тимофеевич, нажимая на компьютерную мышь и переводя триста пятьдесят тысяч зеленых в рублики. Только на первые две получившиеся цифры глянул, дальше-то и смотреть не стал, потому что вызвали они у него приступ удушья и потемнение в глазах. – Двенадцать миллионов!

Общее состояние Андрея Тимофеевича насчитывало миллиард рублей, но отдавать двенадцать миллионов... лег-

че удавиться. И кому отдавать? Ханурику, для которого дом родной – тюрьма? Все равно Бельмо прогуляет их с бабами. Но ведь он не отступится. Ишь как обставился гладиаторскими рожами! Думает, испугал... Отстал Бельмо от жизни, ровно на семь лет отстал.

– Есть одно простое решение проблемы, – проговорил он, нервически набирая номер. – Алло! Здравствуй, Фарид. Это Гринько Андрей Тимофеевич тебя беспокоит... Давненько, давненько... Угадал, дело есть. Однажды я оказал тебе услугу, теперь нуждаюсь в твоей... Спасибо, я знал, что могу рассчитывать на тебя. Если нет планов на вечер, давай встретимся в «Манго»... Жду.

Уложив трубку на аппарат, он посидел некоторое время в раздумье. А что тут думать?

С утра Сандра трудилась на рынке в рыбном ряду, а вечером работала официанткой в пивном баре средней руки.

Бельмас с гладиаторами – сейчас они были без шляп и пиджаков – приземлились у стены. Народу много и душно, хотя работал кондиционер. Вскоре с подносом откуда-то вырулила Сандра. Надо сказать, бегала она от столов к стойке и обратно резво. А ведь в туфельках на каблуках! Но к их столику подошел паренек, похожий на оципанного куренка, вдобавок прыщавый.

– Я хочу, чтоб нас обслуживала вон та девушка, – сказал ему Бельмас.

– Санька? – уточнил он, так как между столами носились и другие официантки. – Тогда вам надо перейти за ее стол, а они все заняты.

– Мы подождем, если ты не возражаешь, – сказал Бельмас.

– Хочу предупредить, – наклонился паренек к Бельмасу. – Санька это самое не позволяет, по рукам бьет, а то и по лицу.

– Мы крепкие, – на сей раз подал голос Держава.

Едва из-за нужного стола встали четверо мужчин, Бельмас ринулся занимать места. На столе остались неиспользованные приборы – бокалы, тарелки, а между ними гора раковых панцирей. Сандра не торопилась подойти, хотя клиентов заметила. Прошло полчаса, Держава начал терять терпение:

– Бельмо, она нарочно не подходит. Если б не была твоей дочерью, я б ей показал...

– Побеждает терпеливый, – мудро заявил Бельмас.

– Тебе видней, но она... зараза.

Андрей Тимофеевич принял господина Фариды по кличке Шах в лучшем ресторане, а в категории «лучший» обязательно наличие отдельных кабинетов. Японец не поскупился: заставленный яствами стол, казалось, рассчитан как минимум человек на десять. Шах появился со свитой из четырех янычар, которые быстро проверили, нет ли здесь притаившегося киллера. Смешно. Кто будет приглашать в кабак, чтобы грохнуть прямо за столом? Шах создавал вокруг себя поистине царскую обстановку, потому и получил царствен-

ную кличку, довольно банальную, но соответствующую восточным вкусам, льстившую этому невысокому сорокапятилетнему усатому человеку с проседью в волосах. Возможно, он сам и дал себе прозвище, не желая получить какую-нибудь унижительную кличку. Андрей Тимофеевич давно заметил, что выходцы с Востока, добившиеся положения, зачастую позиционируют себя как жителей неба. Что ж, Шаху это удастся неплохо. Он всегда спокоен, как Будда, неприступен, несуетлив, величествен и немногословен. Помимо воли при виде подобного полубога по телу проносится дрожь и сгибаешься, чтоб стать ниже ростом, ибо не подобает возвышаться над полубогом. Но, с другой стороны, человек, который ничего не боится, не станет так тщательно оберегать свою жизнь, значит, чувство страха знакомо и господину Шаху.

Проверив кабинет, янычары вышли вон, а Шах расслабился в кресле, выжидаяще уставился на Японца. Андрей Тимофеевич подождал, когда официант нальет в рюмки коньяк, а в бокалы – минеральную воду и уйдет, сказал короткий тост:

– За встречу!

После того как опустошили рюмки, Шах подцепил вилкой кусочек семги. Медленно жевал, не спуская черных глаз с Японца. Тот не торопился выложить причину, вынудившую позвать его, – с аппетитом уплетал закуску.

– Дело, Андрей Тимофеевич, – напомнил Шах.

Он обращался к Японцу только по имени-отчеству, тем самым обозначая дистанцию, мол, мы партнеры, о дружбе не

может идти речи.

– Ну, давай еще выпьем, а то как-то неловко сразу о делах говорить, – предложил Японец, разливая коньяк.

Шах закусил маслиной. На этот раз и Японец не стал много есть, уложил локти на стол, изобразил озабоченность. Впрочем, он и был озабочен.

– Надо убрать одного человека, – сказал Японец, видя, что Шах не расположен к долгому ужину.

– Кого? – не удивился тот.

Еще бы ему удивляться! Несмотря на прочное положение главного в городе ювелира – ему принадлежали несколько ювелирных магазинов, два ломбарда и тройка мастерских, – Шах не брезговал ни мошенничеством, ни разбойными делами. Однажды Японец помог ему отмазаться, когда выяснилось, что в одном из ювелирных салонов продукция толкалась низкого качества из Турции, выдаваемая за золото высшей пробы.

– Бельмаса по кличке Бельмо, – сказал Андрей Тимофеевич.

– Кто он? – Шах был, как всегда, краток.

– Каленый (то есть судимый) вор. Который в законе. Букет судимостей имеет. Правда, меня сомнение берет по поводу того, что он «в законе», – усмехнулся Японец. – Какие сейчас законы, где? На зоне? Их на воле-то нет, на зоне тем более. Освободился он месяц назад...

Японец проверил реакцию Шаха, но на его лице никогда

ничего не прочтешь.

– И чем тебе помешал вор Бельмо? – спросил Шах.

– Деньги требует. Дал неделю срока.

– Много хочет?

– Много. Так много, что выговорить страшно.

– Почему требует?

Законный вопрос. Вор обычно берет то, что считает возможным забрать, но требует – звучит неправдоподобно. Андрей Тимофеевич не хотел говорить правду, лишь ограничился:

– Потому что ему так захотелось.

– А ты не давай.

– Не знаешь ты его, Фарид. Бельмо – безнадежный рецидивист. Более двадцати лет назад он ограбил цеховика, взял мешок драгоценностей. Ну и деньги, конечно. Куда дел – так и не выяснили. Цеховика тогда же замочили, подозрение пало на Бельмо, хотя он уверял, будто его подставили...

– Настоящий вор не мокрушничает, – перебил Шах.

– А он замарался, – перешел на категоричный тон Японец, потому что ему не понравились расспросы Шаха. – Вообще-то его причастность к убийству не доказали, Бельмо изворотливый. Срок получил за другое преступление, его взяли с поличным. Потом выходил из тюрьмы и снова садился, выходил и...

– Все-таки, Андрей Тимофеевич, почему он к тебе пришел с таким странным требованием? Рэкет дело опасное хо-

тя бы потому, что сферы поделены. А он рискнул.

– Когда-то мы были дружны, – с сожалением произнес Японец. – Но это в далеком прошлом. А Бельмо так не считает. Он откинулся с зоны, ему надо на что-то жить. По его мнению, я должен поделиться, а мне, знаешь ли, делиться не хочется. Я помогал ему много раз, завязать он не захотел, – пустился Японец в объяснения. В благородство поиграть тоже не лишнее, Шах должен знать, что Бельмо конечный негодяй, а у Андрея Тимофеевича, почти святого, положение безвыходное. – Ему нравится жить легко, играючи и за чужой счет. Поможешь избавиться от этой шантрапы?

– Люди должны помогать друг другу, – многозначительно сказал Шах, тем не менее избавиться от проблемы не пообещал. – Когда ты должен отдать деньги?

– Ровно через неделю. В пятницу вечером.

– Хорошо. Но прежде хочу выяснить о нем все. Прости, дорогой, у меня такое правило.

Да, Шах не бросается сломя голову в водоворот. Осторожность – его кредо, даже если он должник. Однако осторожность Шаха имела более глубокие корни, чем трусость, что прекрасно понял Японец. Понял и затрепетал. Зачем Фариду проверять, кто такой Бельмо, не все ли ему равно? А на тот случай – вдруг пригодится ас воровского искусства. И тогда Японцу сделают «чик-чик», если этого захочет Бельмо. А он захочет. Вот тебе и плата за услугу!

Шах поблагодарил за прекрасный ужин, не съев практиче-

ски ничего, и ушел. Андрей Тимофеевич был разочарован, удручен, растерян. Машинально он набрал номер жены:

– Быстро в «Манго» со всем нашим выводком, исключая зятя.

– Я не одета и не причеса...

– Я сказал – быстро! – И он стукнул по столу кулаком.

Успокоившись, выпил рюмку коньяку, закусил веточкой петрушки.

Дождались – Сандра соизволила подойти.

– Два пива и раков, – сделал заказ Бельмас.

– Вас трое, – напомнила девушка, записывая в блокнот заказ.

– Он не пьет, – улыбнулся Бельмас, жестом указав на Горбушу.

Строгое личико Сандры вызывало в нем мощную волну ответственности за нее, да и за себя тоже. Он начнет новую жизнь, будет заботиться о ней. Ведь это ж никуда не годится – родная дочь базарная торговка и официантка в пивнушке. Ей в институт надо, выйти замуж за хорошего парня, родить ему внуков. Все должно быть по правилам, как у людей. И будет!

Пока Бельмас мечтал, Держава задержал Сандру, схватив ее за руку:

– Только попробуй принести тухлых раков – сама их съешь! А сначала прибери тут.

Девушка выдернула руку, одарив и его, и дядю, и папу презрением. Ушла. Бельмас напустился на Державу:

– Зачем наехал на девочку? Что она тебе сделала?

– Ничего себе – девочка! – хмыкнул тот. – В зубы тебе заехала, кильку загнала за столык. Ей столько за вечер на чай здесь не кидают.

– Не мелочись, – усмирил его Бельмас. – Она горда, обижена, ведь росла без отца. Я объясню, что не виноват, что был не в курсе...

– Ага, ага, – скептически покивал головой Держава. – Ты ее не знаешь, а собрался стать перед ней, как у алтаря, будто она митрополит.

На их языке митрополит означал судью.

– Эх, Держава, тебе не понять, – обнял его за плечи Бельмас. – Не знаешь ты, что такое иметь родного ребенка. Это же по-настоящему!

Прибыла Сандра, с бросающимся в глаза неудовольствием начала сметать влажной тряпкой объедки на поднос. Заметив боковым зрением восторженное лицо Бельмаса, она повернула к нему голову и весьма неласково спросила:

– Что ты пялишься на меня, дядя, как идиот? Чего тебе от меня надо?

– Я хочу, чтоб ты выслушала...

– Брось заливать, – прервала его Сандра. – Папочка выискался! За дуру меня держишь?

– А зачем тогда я добиваюсь встречи с тобой?

– Два варианта сразу назову. Либо в публичный дом за-тянуть хочешь, либо квартиру отнять. А может, то и другое вместе. Не выйдет. Я тебя насквозь вижу. Ну, посмотри на себя: как я, такая красивая, могла получиться от подобного крокодила? То-то и оно. Много вас тут ходит – добрых дяденек, которые прикидываются папочками.

У Бельмаса челюсть отвисла, глаза из орбит вылезли, брови изогнулись коромыслом (это была его особенность – при удивлении они превращались у него в единую дугу). А Сандра, смерив его ликующим взглядом, удалилась. Когда она принесла заказ, дар речи к нему еще не вернулся. Горбуша ел только раков, Держава еще и пил пиво, поглядывая на Бельмаса с ухмылкой.

– И что ты решил? – после длительной паузы, когда глава семьи сделал передышку, спросила жена Агата.

Андрей Тимофеевич прожил с ней тридцать два года, нажил троих детей, старшему из которых тридцать. Всякое у них было, особенно когда разбогател, но поменять законную жену на глупенькую и хитренькую молодую обезьянку ему не приходило в голову. Причина в самолюбии. Он не хотел стать посмешищем, как стали объектом для сплетен и зло-радства многие солидные мужики, обзаведясь молоденькой женой и в придачу рогами. Положение стабильного семьяни-на дает свои преимущества, например, тот же статус принци-пиального и порядочного человека и надежного партнера.

Разве нет? Недаром раньше ходила шутка: кто изменяет жене, тот изменит и отечеству. Ну, сходить налево – дело необходимое для повышения тонуса, но потихоньку, чтоб никто не знал. А семья – это святое, это звучит гордо.

Сейчас Японец собрал на совет исключительно семью. Без зятя, которому необязательно знать подводные рифы. Собрал, чтобы решить проблему. Но ему трудно было озвучить суть, а как раз подошли к этому, потому что сдуру он совершил стратегическую ошибку. Поэтому Андрей Тимофеевич после вопроса жены выпил воды мелкими глотками, причем пил долго, потом прожевал кусочек ананаса – это время. Только собрал он их не для того, чтоб публично молчать, настал миг признания. А это хуже, чем признаться в существовании любовницы.

– Я позвал Шаха, – сообщил наконец.

– Зачем? – последовал вопрос от старшего сына Артура.

– Затем, что есть наиболее дешевый способ избавиться от проблемы, – сказал Андрей Тимофеевич апатично.

– То есть убрать Бельмо? – уточнил Артур.

Молчание собеседника не всегда подразумевает его раздумье, в данном случае оно было признанием.

– Папа, ты в своем уме? – ужаснулась единственная дочь Рита.

Папа и на сей раз промолчал, но уже закипая. Он рассчитывал на понимание и участие, ведь это и их деньги. А они, судя по всему, застряли в благородных порывах, чего добро-

го, начнут упрекать, поучать.

– Папа, сейчас киллера найти проще простого. Зачем ты обратился к Шаху? – вступил в диалог средний сын Вадим.

– Ну, обратился, обратился! – развел руками Андрей Тимофеевич. – Что теперь делать? Он мой должник, я помогаю ему, потому и надеялся...

– Люди плана Шаха долгов не имеют, – сказал Вадим. – Почему ты сразу не посоветовался с нами?

– А действительно – почему? – подхватил Артур. – Ты доверяешь нам меньше, чем Шаху? Извини, лично я оскорблен. Теперь ты, даже если самостоятельно расправишься с Бельмом, попадешь на крючок Шаху. Уж поверь, он выжмет из тебя максимум выгоды, а когда ты станешь ему не нужен, кинет в топку. Ты поступил очень неосмотрительно.

– Знаю, – ворчливо произнес Андрей Тимофеевич. – Потому и позвал вас, что лопухнулся. Я запаниковал, когда Бельмо явился ко мне с двумя экипированными гладиаторами. Знаешь, что означает «гладиатор»? Исполнитель приказов. Фактически Бельмо угрожал мне без слов.

– Это осложняет дело, – сказал Артур. – Еще двоих убирать... Милиция встанет на дыбы.

– Боже мой! – схватилась за сердце Агата. – О чем вы говорите! Это же... это же убийство! Человека!

– Мама, ты как будто живешь на острове и ничего не знаешь, – сказал Вадим. – А что ты предлагаешь? Отдать деньги?

– Отдать! – воскликнула она. – Отдать! Что вас так удивляет?

– Ты представляешь, сколько придется отдать? – принял сторону отца и брата Артур. – Не десять тысяч рублей...

– Но деньги не наши, – окрысилась мама.

– И не Бельма, – цинично заявил Вадим. – Ты слышала, что говорил папа? Бельмо деньги украл и отдал на хранение.

– Вот пусть Бельмо и забирает их, – агрессивно возразила она. – Он украл? Значит, это его деньги. Отец попользовался ими, обязан вернуть.

– Я согласна с мамой, – заявила Рита, не дав возможности братьям перекрыть мнение матери. – Папа, пойми: тебе лучше отдать деньги и позвонить Шаху. Скажи, что ты передумал, отменяешь заказ на Бельмо. Иначе попадешь в ножницы. Бельмо не подарит тебе своих денег, за которые отсидел столько лет. Ты бы тоже сделал все, чтоб их забрать. А Шах, папа, коварный и подлый тип, о нем отвратительные слухи ходят. Ему нельзя оказывать услуги и пользоваться его услугами тем более нельзя, это же все знают. Отдай и получишь покой.

– Сумма уж очень большая, – упрямылся Андрей Тимофеевич, но уже несмело.

– Господи! – заломила руки жена. – Я бы поняла, если б у тебя не было денег, но ты ведь не бедный человек.

– Я не бедный, – согласился он. – Именно потому, что иногда не дружил с совестью. Если бы она брала верх, то вы

не сидели бы сейчас в этом кабаке, не разъезжали бы на дорогих автомобилях и жили бы все скопом, в лучшем случае в четырехкомнатной квартире.

– Папа, твоя жизнь в опасности, – напомнила Рита. – Такие долги не прощают. Думаю, твоя жизнь дороже тех денег.

– Наверное, ты права, – внезапно сдался он. – Ладно, верну.

– Вот и славно, – с облегчением вздохнула Агата.

Но Андрей Тимофеевич не получил облегчения. Он продолжал думать: куда заведет его нечаянная ошибка?

Они просидели до закрытия бара.

– С вас полторы тысячи, – выпалила Сандра.

– За что?! – привстал Держава, набычившись. – За четыре кружки пива и тарелку раков? Ты всех так обдираешь?

– Хорошо, тысяча. – Сандра на всякий случай отступила назад.

– А немного подумать – будет пятьсот? – приходил все в большую ярость Держава. – Ты бандитка!

– Не спорь, Держава, – доставая портмоне, сказал Бельмас, просто млеющий от дочурки, что было видно невооруженным глазом. Он положил на стол полторы тысячи. – Спасибо, Сандра.

– Пожалуйста, – вызывающе бросила девушка, смахнув купюры в кармашек фартука. – Больше не попадайся мне на глаза, дядя папа, а то у тебя денег не хватит.

Проводив девушку взглядом бешеного быка, Держава взялся за воспитание новоиспеченного папаши:

– Ты ее балуешь. Этак она вконец обнаглеет.

– Сандра должна понять, что я не враг ей.

– Ничего она не поймет, потому что не хочет. Но бабки из тебя вытащит. Ты, я вижу, совсем лох?

– Тебе не понять меня, – снисходительно улыбнулся Бельмас. – Я жил одиноким волком, у меня не было ни дома, ни родных. Жизнь прошла вхолостую. А теперь у меня есть дочь. Родная дочь! И ты хочешь, чтоб я отказался от такого подарка судьбы? Для меня другие краски появились в этом мире. Да я для нее... дом куплю, одену как манекен...

– Если Японец отдаст баблосы, – вставил Держава.

– Отдаст, никуда не денется.

Бельмас вообще-то не был уверен, но надеялся, что Японец не посмеет обмануть его, ведь когда-то Бельмо кидал другу бабки, пусть и ворованные, на хлеб с маслом для детишек. Неужели у друга короткая память?

4

Японец заказал требуемую сумму в банке и три дня скрежетал зубами от жадности. К тому же его раздирали противоречивые мысли. Андрей Тимофеевич не созрел разрешить проблему примитивным способом, но Шах позвонил и, как ни противно было прогибаться перед ним, взял елейный тон:

– Фарид, прости за беспокойство, я отменяю заказ.

– А что так?

– Да все уладилось, это была минутная слабость, – неестественно оптимистичным тоном продолжил Андрей Тимофеевич. – Договорился я с Бельмом, все в порядке. Слава богу, грех не придется брать на душу. А то ведь душа одна, и, говорят, она бессмертна.

Душу приплел, бога... Совсем плохой стал.

– Как скажешь, – произнес Шах своим мягким голосом, по которому никогда не определишь, что он там себе думает на самом деле.

Андрей Тимофеевич положил трубку, ссутулился, сунув сложенные ладони между коленями, его тело, как острым ножом, пронизало слово «отдать». Добровольно отдают бешеные бабки только конченные идиоты! Японцу жутко не хотелось лишиться огромной суммы, не хотелось быть конченным идиотом.

За последние годы он привязался к деньгам, полюбил их

всеми фибрами души, потому что только они имеют смысл, как он выяснил на своей практике. И когда маячит перспектива их потерять – наступает пора ошибок. Первой его ошибкой было обращение к Шаху, второй – вызов семьи на совет. Нашел с кем советоваться! К тому же о чем! Но ведь подобной ситуации у него никогда не было... Большинству бизнесменов на плечи сваливаются проблемы, когда встает вопрос жизни и смерти, тогда как Андрей Тимофеевич до сих пор шел по бизнес-дороге без препятствий, можно сказать, легко шел. Появился Бельмо и образовал трещину даже в семье, которая разделилась надвое, внеся диссонанс в мироощущение Андрея Тимофеевича. Собственно, на что он рассчитывал, устроив экстренный сбор? На оплот, на могучий клан, на поддержку. Они все должны были ударить себя кулаком в грудь, мол, мы с тобой. И помочь выкрутиться, придумать какой-нибудь нестандартный ход.

Несмотря на то что сыновья приняли его сторону, Андрея Тимофеевича не устроила та легкость, с какой они согласились устранить Бельмо. Если б это произошло в процессе длительного отбора, в результате которого они пришли бы к выводу, что только крайние меры – единственно правильный выход, то папа принял бы их позицию. Но перед сыночками не стояла проблема выбора – вот открытие! Андрей Тимофеевич думал убрать одного бывшего друга, а мальчишки без колебаний решили пустить под нож всю его банду. Круто! Есть тут какая-то червоточина, она и настораживала. Но

так или иначе, а семья разделилась, что означает нестабильность. Возможно, Японца не устроило бы любое предложение семьи. Да, скорей всего, он интуитивно сделал им проверку. А они должны были дать понять: ты глава и впереди, а мы за тобой стоим монолитом. Не случилось.

И получается: на этом свете лишь деньги имеют смысл. Дети предадут, как предала папины интересы дочь, значит, и обманут, и бросят. Друзья, жена – тоже. Только деньги могут быть надежными и верными. Если детки не подадут стакана воды на смертном одре, то это сделают деньги: заплатишь – получишь. Как же их сохранить?

Из любого положения, говорят, есть выход. И, если рассуждать трезво, Бельмо вор, а не убийца. Может, кинуть ему в пасть тысяч сто, а про остальные сказать, мол, верну позже. И пусть ждет. Каковы будут действия Бельма? Из-за таких денег, без сомнения, уничтожают, но вряд ли Бельмо захочет получить срок за убийство. Но и ста тысяч жалко – вот в чем суть!

«Еще какие-нибудь варианты имеются?» – мучительно спрашивал себя Андрей Тимофеевич.

А ведь есть. Один есть. Но сопряженный с риском, потому что неизвестно, сколько гладиаторов у Бельма. Можно сделать так: отдать всю сумму, потом проследить за Бельмом и... положить всех разом. Однако делать это надо самому – ни сыновей, ни кого другого не впутывать. То есть взять оружие в руки придется ему, Андрею Тимофеевичу, лично? Кто

его заподозрит? Семья, например. А откуда они, собственно, узнают, что Бельмо с компанией переселились в мир иной? Ни газет не читают, ни криминальных передач не смотрят – это все портит нервную систему. Если и узнают – промолчат. Правда, дочь с женой ныть примутся, совестить. Впрочем, это ерунда. Кто еще догадается? Шах! Ну и что? Разве у Шаха рыльце не в пуху? Еще в каком! Просто залеплено его рыло пухом. Только о его подпольных подлостях никто не догадывается, следовательно, прижать нечем. А у Андрея Тимофеевича маленький компроматик на него имеется, так что и Шаху можно глотку заткнуть в случае нужды. Есть выход, есть...

Японец открыл сейф, достал пистолет. Хорошая штука, автоматическая. Купил не потому, что боялся врагов, а просто так. Все имеют пушки, он не хуже других. Правда, Андрей Тимофеевич не бог весть какой стрелок, но когда ненавидишь цель, попадешь в нее обязательно. Так он думал, разглядывая со всех сторон пистолет.

Три дня Бельмас, Держава и Горбуша наслаждались ничегонеделанием. Только вечером ехали к бару и провожали Сандру до дома, ведь сейчас по ночам опасно в городах, всяких выродков полно. Девочка об этом не догадывалась, потому что машина ехала за ней со всеми предосторожностями. Папа Бельмо решил дать дочурке паузу, а потом продолжить остороженько приручать ее. И вот что его поразило –

у красавицы Сандры не было молодого человека, который бы встречал ее по вечерам и провожал домой! С другой стороны, рано заводить кавалеров, девочке надо учиться. Бельмас рисовал картины будущего: как купит Сандре место в институте, обязательно в престижном, как повезет отдохнуть куда-нибудь на Адриатику, и... В общем, мечты были самые что ни на есть идиллические, сладкие, сентиментальные.

И вдруг произошел инцидент. Около часа ночи Сандра вошла во двор. Горбуша остановил машину напротив въезда, поэтому Бельмас собственными глазами увидел, как его дочурку обступили три барбоса. Уж кто-кто, а он по опыту знал, как выглядит угроза якобы в покойных телах. Бельмас тут же ринулся из машины, бросив Державе с Горбушей:

– За мной!

Однако, влетев во двор, папа притаился в тени, пока не имея повода вмешаться, и все слышал.

– Ну, Саня, поговорим? – сказал парень лет двадцати пяти, остановившись напротив Сандры. – Кинула меня, подруга, и бегаешь?

– Я бегаю? – Сандра вела себя спокойно, но новым своим отцовским чувством Бельмас понял: девочка напряглась. – О чем ты?

– Это не фирменный мотоцикл! – рассвирепел парень. – Сборка!

– За фирменным идут в салоны, а не ищут что подешевле. – Сандра продолжала держать марку храброй девчонки. –

Кто приставал: где бы купить дешевый? Знакомый моего знакомого продавал, ты купил. Я при чем? Только сказала тебе, в каком месте продается мотоцикл, кого спросить.

– Будто ты не знала, что детали прилеплены пластилином, не знала, что мотя – грудка ржавого и крашеного железа! Я выяснил: ты не первый раз помогла ему загнать металлолом. Я отвалил пятьдесят штук! Так что, подруга, бабки верни.

– Иди к тому, кто продал.

– Адреса парень не оставил. Да и не нужен он мне. Ты свела? Ты. Ты и заберешь бабки.

– Сам забирай.

Сандра оттолкнула его, а убежать не смогла – два парня сзади схватили ее за локти. Обманутый мотоциклист вытащил нож и поднес его к лицу девушки:

– Я тебе не лох. Сейчас как чикану по роже...

– Эй! Убери нож! – вышел из тени папа Бельмас, так как настал момент спасать девочку.

– Дед, катись отсюда, а то я нервный, – процедил сквозь зубы мотоциклист.

– Не лай, щенок! – подходя, цыкнул Бельмас. – А то я тоже нервный. Отпустите Сандру.

– Ты че сказал, дед? – Мотоциклист согнулся, идя теперь на Бельмаса, при этом голову повернул ухом к «деду». – Кто щенок? Кто лает? Ты у меня сейчас язык свой съешь и зубы проглотишь, ты...

– Ай-яй-яй, – покачал головой Бельмас, – такой большой,

а хамло без воспитания. У тебя, наверное, мамы с папой не было.

Мотоциклист развеселился от наглости, посему нож решил в ход не пускать, а сделал замах ногой, целясь в живот тщедушному на вид «деду». Удар должен был быть сильным и мгновенным, но Бельмас не интеллигент с портфелем, школу выживания проходил самую высшую – он молниеносно отскочил в сторону. Тяжелая штука, когда затраченная энергия не попала по цели – парень со всего маху упал на спину. Не успел он отойти от боли, как его ждал еще один сюрприз: дружков метелили два бугая.

Потасовка длилась не больше минуты, недавние храбрцы позорно бежали под свист победившей стороны. Бельмас тоже бежал. За Сандрой. Но дверь квартиры захлопнулась перед его носом.

– Сандра! – забарабанил по ней ладонью Бельмас. – Сандра, клянусь, я твой папа! Так сказала твоя бабушка!

– Спасибо за помощь, – отозвалась она. – Но шел бы ты домой, дядя папа.

Как ни уговаривал Бельмас выслушать его, больше не добился ни звука.

– Хорошо, – сдался он. – Мы поговорим днем, ладно? – В ответ тишина. – Чтоб ты не боялась меня, поговорим в людном месте. До свидания, Сандра.

Держава по лицу Бельмаса определил, что дочь не пала на грудь блудному папе. Плюхнувшись на сиденье рядом с

Горбушей, он оглянулся назад:

– Слышь, Бельмо, а дочка-то твоя мошенница. Ты не понял?

– Ха! – И на сей раз его распирало от гордости. – Вся в меня!

– Я бы не сказал, что она в тебя, но раз ты так хочешь... – Держава развернулся лицом к лобовому стеклу. – Нам послезавтра к Японцу. Не понравился он мне. Слышь, Бельмо, свинью не подложит Японец?

– Посмотрим.

– Давай стволы достанем? – Держава снова повернулся к Бельмасу. – Непокойно мне. А со стволами ты кум королю: и припугнуть можно, и вообще...

– Не люблю опасные игрушки, они в руки просятся, – сказал Бельмас. – Запомни, сынок, и не бери их никогда.

Настал ответственный час. Бельмас даже дочь не посещал, готовился к встрече с Японцем, предварительно созвонившись с ним, то есть напомнив о себе. Что ждет впереди? Придется ли применять силу, угрожать, а то и увезти бывшего дружка? Он и на это был готов, но свои деньги решил получить во что бы то ни стало. Хоть из пасти Японца выдрать!

Без десяти минут семь автомобиль остановился у здания. Прoshлый раз Бельмас засек время с момента остановки авто до того незабываемого мига, когда он вошел в кабинет. Это профессиональная привычка – точно рассчитывать минуты,

а точность, между прочим, – вежливость королей. В сопровождении Державы и Горбуши (в шляпах и очках) Бельмо вошел в здание, не посмотрев в сторону охранников. Те даже не поинтересовались, к кому идут посетители в конце рабочего дня, когда офисы быстро пустеют. Очевидно, устали. У лифта произошла заминка, но на такой случай Бельмас выделил пару-тройку минут запасных. Пока лифт спускался, он вытер платком вспотевшую шею.

Двери разошлись в стороны, и на него наскочила та самая дамочка, Ксения. Выронила из рук сумочку без ремешка.

– Простите, – сказала она, наклоняясь.

Бельмас опередил ее, поднял раньше. Ксения, еще раз извинившись, выхватила сумочку и побежала к выходу. Что-то в ней было необычное, впрочем, какая она, так сказать, в быту, он не мог знать. Бельмаса очаровало ее раскрасневшееся взбудораженное лицо. Он смотрел ей вслед, видел через стеклянную дверь, как она прыгнула в машину и просто вылетела со стоянки.

– Долго мы будем стоять? – спросил Держава.

– Красивая женщина, – вздохнул Бельмас, заходя в лифт. – Не бережет себя. Лихачи за рулем – самоликвидаторы. Глаза у нее... ммм... цвета сливы. Спелой сливы.

– Ты б не о бабах сейчас думал, а о бабках, – посоветовал Держава.

– Ты младше меня лет на...дцать, а рассуждаешь, как старый пень на завалинке. Неужели тебя не привлекают женщи-

ны?

– Я их не привлекаю.

– Ну, это дело поправимое, – рассмеялся Бельмас. – А я уж думал, ориентацию решил поменять. – Держава покривил губы. – Шучу, шучу.

Этаж. Бельмас скомандовал:

– Ну, вперед! И да поможет нам бог.

Коридор прошли, никого не встретив. Приемная. В приемной ни души, однако стол секретарши в рабочем беспорядке, наверняка тетя с буклями у патрона. Бельмас не стал дожидаться, когда она выйдет, постучал и сразу открыл дверь.

– А вот и я, – идя к столу, за которым сидел Японец, оповестил он.

Японец не ответил, даже не шелохнулся. По мере приближения к нему у Бельмаса гасла улыбка. Что-то странное было в его позе, пугающее. Бельмас притормозил. Слишком хорошо знаком ему этот тупой и безжизненный взгляд. Конечно, он не мог издали разглядеть пробоину на коричневой рубашке в районе сердца.

– Убили, – выдавил сзади Держава.

У, как резануло слух «убили»! Сразу неприятно защемило в горле, потянуло под ложечкой до тошноты. Естественно, убили. Обычной пулей. Но каково, а?!

Внезапно все трое разом оглянулись на стон, похожий на всхлип. Нет, все же это был стон, причем женский. У стены

рядом с дверью полусидела секретарша в буклях, она истекала кровью и таращила еще живые глаза. Бельмас кинулся к ней:

– Кто это сделал? Кто стрелял?

– А... а... а... – только выдыхала она, а глаза молили о помощи.

– «Скорую» вызывай! – бросил Бельмас. – Быстро!

Держава бросился к столу, снял трубку, набрал номер...

Но в этот момент раздался тихий, при всем том злой голос Бельмаса:

– Поздно, Маня, пить боржоми – почки отвалились.

Держава оглянулся. Бельмас стоял над секретаршей, вернее, над ее трупом, заложив руки в карманы брюк. Нелепо смотрелись ее ноги, разведенные широко в стороны, а ступни носками внутрь. Голова свесилась на грудь, одна лишь пышная прическа и видна была.

– «Скорая» слушает. Алло! – бойко проговорила в трубке женщина.

– Спасибо, не надо, у нас все умерли, – пробубнил Держава и положил трубку на аппарат. – Мы, кажется, крупно влипли.

– Не кажется, а влипли, – произнес Бельмас, глядя на труп секретарши с простреленной грудью. Внешне он никак не обозначил отношения к ситуации, а она была хуже некуда. – Держава, пальчики сотри с аппарата. Так... – Он заходил по кабинету. – У меня багаж тяжелый, со счета сбился, сколько

сделал ходок. У тебя, Держава, одна судимость, у Горбуши одна. Выходит, мы банда. А я главарь преступной группировки. Налицо обстоятельства, отягчающие наказание. Статья 61 УК РФ до моей последней ходки в зону. Не думаю, что ее изменили. А счастье было так возможно...

Он огляделся. Мрачный Горбуша стоял, вперив тяжелый взор в сейф с приоткрытой дверцей. Бельмас быстро подскочил к сейфу, достал платок, взялся за ручку. Разумеется, внутри пусто.

– Сматываемся, Бельмо! – жалобно проямлил Держава. – Как зайдут сюда, хана нам...

– Тихо, тихо, тихо, – пробормотал Бельмас, обводя глазами коршуна кабинет. Нет, просто так он не мог уйти. Теперь стоит вопрос жизни и смерти. – Пальчики сотрите везде, на дверной ручке тоже...

Держава бросился исполнять поручение, а Бельмас, разглядывая пол, шел к труп. Вот она, гильза. А вон вторая. Осмотрев Японца, Бельмас открыл по очереди ящики стола – нашел деньги. Не долг Японца, а несколько сот долларов. Чтобы вор оставил бабки? Такое в страшном сне не приснится. У ног Японца стоял кейс, Бельмас взял его, начинку смотреть не стал, махнул Горбуше – мол, пора на выход.

Они шли к лифту, прислушиваясь к каждому звуку. Впрочем, в большом здании было тихо. Однако и тишина умеет шуметь. Она дышит, разговаривает, смеется и подкарауливает. Обычный человек не слышит звуков тишины, а Бель-

мас слышал ее обостренными нервами, чувствовал перемены в ней. Остановившись у лифта, он поднял глаза вверх. Цифры докладывали: второй этаж, третий, четвертый...

– На лестницу! – скомандовал он.

Едва добежали до лестничной клетки и притаились за углом. Лифт остановился, и из него выскочили... менты. И кинулись напрямик в офис Японца, будто там пожар, а они пожарные.

– Вниз, – бросил Бельмас.

Будто включились реактивные двигатели – два этажа троица миновала за считанные секунды. Бельмас выглянул из-за угла – никого. Кивком головы дал понять, что надо идти к лифту. Нажал на кнопку вызова. Вдруг на площадку вышла женщина, а троица дышала, как будто час занималась спортом. Собственно, почти так и было.

– Не дышать, – процедил Бельмас и замер, кося глаза на женщину и умоляя ее: гуляй, тетя, мимо.

Она прошла, с интересом поглядывая на троих мужчин у лифта. В них появилось нечто, привлекающее внимание? Судя по Горбуше и Державе – да, появилось: оба взмокли, рожи покраснелись, глаза навывкате и с паническим блеском. Наверняка и Бельмас не лучше выглядел. Женщина вошла в какой-то кабинет, пришел лифт. Все трое оперлись спинами о стенки лифта, не имея сил стоять без опоры. А Бельмас ворочал шариками, ведь сейчас главное – выбраться из здания.

Лифт достиг первого этажа. Бельмас нажал на кнопку второго этажа, лифт поехал вверх.

– Зачем назад? – вытаращился Держава.

– Легавые приехали к Японцу, – сказал он. – Значит, их кто-то вызвал. Что, если они никого не выпускают из здания?

– Как же мы выберемся отсюда? – потух Держава.

Он не знал, с кем имел дело. Держава-то залетел в колонию по недоразумению, как и Горбуша, зато у Бельмаса опыт убегания от милиции достоин лиги чемпионов. На втором этаже он стремительно двинулся по коридору, поглядывая на двери. Вот то, что искал, – сортир. Внутри никого не было. Так ведь время позднее, редкий трудоголик задержался на работе, выслуживаясь перед начальством. Не расслабляясь, Бельмас ринулся к окну. Тут лицо его осветилось счастьем.

– Во двор выходит! Держава, открывай!

Повернуть шпингалеты для того – пара пустяков, но когда распахнули окно, кто-то вошел в первую комнатку туалета. Бельмас подтолкнул приятелей к кабинке, кое-как разместились там, прижавшись друг к другу вплотную. Неизвестный журчал с полчаса, или так казалось. Но, сделав дело, не торопился уходить. Захлопнул окно, покряхтел, поворачивая шпингалеты. Вот зачем ему это нужно? Потом, напевая, мыл руки в первой комнате, сушил их под электрической сушилкой, затем неизвестно, что делал, но пел во всю глотку – может, к эстрадной карьере готовился.

Держава нервничал, нетерпеливо кусая губы и вслушива-

ьясь в рулады. По Горбуше не определялось, в каком он состоянии, Бельмас находился в хладнокровном спокойствии. Умение ждать и выжидать, а также следовать соответственно поставленной задаче, не распыляясь, – залог успеха. Сейчас главное – выпорхнуть из скворечника. Все свое существо Бельмас подчинил этой задаче.

Наконец пение смолкло, но выждали еще с минуту, только потом вышли. Вновь Держава взобрался на подоконник, открыл окно, выглянул наружу:

– Порядок. Никого.

– Прыгай, – приказал Бельмас.

Прыгнул Держава, за ним Горбуша, Бельмас бросил им кейс и взобрался на подоконник. Высоковато, а что делать... Он сначала сел и свесил ноги, после соскользнул вниз. Удачно приземлившись, Бельмас поднялся на ноги, отряхнулся. После этого взял кейс и неторопливо двинулся к машине, бросив через плечо:

– Шляпы снимите, а то больно приметны.

В автомобиле он не вздохнул с облегчением, не расслабился. Глядя на милицейскую машину, пробормотал задумчиво:

– А ведь кто-то им сообщил о трупах...

– Да подставили нас, Бельмо! – высказался с первого сиденья Держава. – Крупно подставили. И накрылись твои баблосы медным тазом. Гони, Горбуша!

Едва машина Бельмаса выехала с места стоянки, тут же за ним поехал черный автомобиль бизнес-класса. Пассажир в салоне – коренастый, плечистый, с лицом «сажай в тюрьму, не ошибешься», – поднес к уху мобилу:

– Он у нас на крючке. Идем за ним.

5

Горбуша нажарил картошки с яйцами. Вот человек – тут такое случилось, а он в заботах о желудке погряз! Ели прямо со сковородки, ели в гнетущем молчании. Держава с Бельмасом приняли по сто тоже молча, Горбуша даже в этой страшной ситуации пить отказался. На диване лежал «вспоротый» кейс Японца, куда время от времени бросал задумчивый взгляд Бельмас. Денег там не оказалось, а лежали какие-то бумаги-документы, органайзер, паспорт, водительское удостоверение и всяческая ерунда. Между бровями Бельмаса пролегла глубокая вертикальная впадина. Он думал, как быть, о чем догадался Держава и выступил с предложением:

– Отрываться надо, таково мое мнение.

– Куда? – скептически хмыкнул Бельмо. – Думаешь, никто-никто не знает, что именно в семь часов мы должны были прийти к Японцу за бабками? Но кто-то нас опередил.

– Будто не знаешь, кто! Та баба, с которой столкнулись в лифте. Она приходила к Японцу прошлый раз, значит, была у него и сегодня.

– Считаешь, она прикончила его и секретаршу? – будто не понял Бельмо.

– А кто? – возмутился Держава. – Их положили перед нашим приходом, тетка еще жива была. А эта...

– Ксения, – подсказал Бельмо.

– А эта Ксения вылетела из лифта, как ошпаренная кошка.

– Но тот, кто убил, унес мои деньги, – возразил Бельмо. – У Ксении же в руках была только сумочка, она ее выронила...

– Не только. На плече полотняная сумка висела под цвет костюма. Большая, но не очень. Ты не заметил, потому что тащился от нее.

– Значит, надо найти Ксению, – сказал Бельмас.

– Пока будем искать, нас и повяжут. А мне неохота опять сидеть за того парня, один раз я за него отмотал срок.

Бельмас сложил локти на столе, свесил голову:

– Если б можно было решить проблему побегом... Думаю, Японца кокнули из-за моих бабок. Сейф-то был открыт, а бабок в кейсе нет. Значит, убийца знал, что Японец должен отдать мне бабки. И подгадал под наше появление, ни раньше ни позже...

– Подгадала! – поправил его Держава, подняв указательный палец вверх. – Их замочила Ксения.

– Женщина? – покривился Бельмас, выражая тем самым несогласие. Но, видя, как Держава начал закипать, упредил взрыв: – Возможно. Только лучше не торопись с выводами, Держава. Ты же тоже стал жертвой скоропалительного вывода и ошибки следаков.

– Ну-ну... И что ты хочешь этим сказать?

– Неизвестно, кто еще знал, что Японец должен был отдать мне бабки. А кто вызвал милицию?

– Ксения, – упрямо заявил Держава. – Вызвала, чтоб нас сцапали.

– Допустим, – пожал плечами Бельмо. – Тем более нас будут искать. И найдут. Тогда точно повесят убийство на нас. Двойное убийство. Нет, Держава, побег нам не поможет, а положить голову на эшафот – запросто. Дядя мирошкин (то есть судья) впаяет немало за двойное убийство в составе банды. Учтут наше прошлое... Нет, Держава, это как раз тот случай, когда спасение утопающего в его руках.

– А что ты собираешься делать? Доказывать, что не мы их пришили? Ха-ха! Ну, как, как докажешь, что не мы положили Японца с теткой, а Ксения? Хорошо, если ее видели, когда она приходила... – На секунду Держава замолчал, потом вздохнул с безнадежностью, да и рукой махнул, будто отрубал нечто ненужное. – Видели или не видели – не играет роли. Наверняка она чистенькая, а у нас судимости. Ты кому бы поверил?

– Конечно, ей, – честно сказал Бельмо тоном полного упадка.

Положение было крайне тяжелым. Он прекрасно знал статистику: большая часть преступлений раскрывается, и это факт, как бы ни отмахивались от него граждане, ругая правоохранительные органы. Но если Бельмас с ребятами попадет, невиновность свою им не доказать, потому что долго разбираться не станут, это тоже факт. Судьба подставила подножку, когда Бельмас вскочил на коня и размечтался о

начале жизни с чистого листа. Сдаться? Ни за что! И он сказал:

– Нам придется добыть доказательства, а для начала встретиться с Ксенией.

– Как с ней встретишься? Ни фамилии, ни адреса не знаем.

И тут вдруг Горбуша положил на середину стола мобильник.

– Где взял? – спросил Держава, беря в руки слишком дорогую, на его взгляд, игрушку, чтобы использовать ее в качестве средства связи. Горбуша указал глазами на кейс. – У Японца? Ну, даешь! Иногда от тебя есть польза. Только пока мы его изучим...

– Да тыкай на кнопки, и все дела, – посоветовал Бельмо.

Остаток вечера посвятили мобиле. Имени «Ксения» не нашли в записной книжке телефона, а женских фамилий полно. Наверняка есть и ее фамилия, судя по тому, как она обошла секретаршу в приемной Японца. Малознакомые люди так в кабинет не входят, следовательно, ее номер должен быть.

В доме Андрея Тимофеевича давила атмосфера скорби. Да только как бы ни было плохо родственникам, а допросить их необходимо по горячим следам.

Беседовал с семейством в полном составе следователь Виктор Серафимович Сербин, длинный и худой стручок лет

пятидесяти с гаком, с невыразительным лицом, сутулый, с нездоровым цветом кожи, что давало право думать: либо его подтачивает болезнь, либо он закладывает за воротник. В общении он оказался приятным и тактичным человеком, который не лез в душу грубым образом, вопросы задавал осторожно, стараясь не причинить дополнительной боли. Второй представился оперуполномоченным по фамилии Оленин. Он помоложе Сербина лет на пятнадцать, ниже ростом на голову, с круглым неумным лицом, полноват и медлителен, со скучающим выражением глаз.

– Когда Андрей Тимофеевич снял деньги со счета? – спросил Сербин.

– Вчера после обеда, – ответил Артур. – Мы с Вадимом сопровождали его до офиса. Папа не хотел нанимать охрану, ведь такая огромная сумма – это всегда соблазн. Он положил деньги в сейф, после чего мы ушли.

– А кто еще знал, что у вашего отца в сейфе крупная сумма?

– Думаю, больше никто, а как на самом деле... – Артур пожал плечами.

– Извините, – вступил муж Риты Никита. – В нашей семье не всех посвятили. Лично я только сегодня услышал о деньгах и так далее.

Сербин украдкой, чтоб не заметили родственники покойного, разглядывал всех, давая собственную оценку каждому. Никита, зять убитого. У него безвольное лицо, несвой-

ственное мужской половине человечества. Хотя последнее время все чаще встречаются молодые люди с безвольными лицами, и это удручает. А в общем, он весьма недурен, как говорили в старину, и, кажется, обижен, что от него в семье есть тайны. Небольшие глаза с плутовским огоньком тоже работают не в его пользу, вместе с тем он подкупающе обаятелен, когда с ним ведешь диалог.

Артур... Старший сын, явно достойное продолжение отца – от него за версту несло: бизнесмен. С успехом явно дружит, отсюда надменен. Правда, на папу не похож. Лик римского воина, да и фигура не хилая, не хватает только шлема, меча и щита.

Вадим – противоположность брату. Не ах с точки зрения женской оценки, скорее как большинство. Наверняка ни разу не качал бицепсы на тренажерах, слегка сутул, капризные губы.

Рита хорошенькая, одета со вкусом и дорого. Она еще учится, готовится руководить.

Наконец мама... О ней трудно судить из-за ее состояния, но вне всякого сомнения – это волевая женщина.

– Во сколько должен был прийти к Андрею Тимофеевичу Бельмас? – спросил Сербин.

– В семь.

– Разрешите дополнить? – подал голос Вадим. – Отец боялся Бельмаса. Он говорил нам об этом.

Вадим, ища поддержки, посмотрел на брата, сестру, мать.

Кроме матери, все закивали, подтверждая его слова.

– Простите, чего именно боялся? – не понял Сербин.

– Ну как... – подыскивал подходящие фразы Вадим. – Бельмас недавно откинулся с зоны, уголовник, явился к отцу с двумя гладиаторами. Отец воспринял их как угрозу.

– Не понимаю страхов Андрея Тимофеевича, – сказал Сербин. – Он ведь не отказался вернуть деньги.

– Ну, не знаю, – развел руками Вадим. – Мы говорим то, что нам известно, а вы уж сами решайте, в чем истина.

– В вине, – вяло пошутил Оленин.

(В отличие от следователя он показался семейству недружелюбным, отчасти неприятным.)

– А трения на почве бизнеса у вашего отца были? – поинтересовался Сербин.

– Нет-нет, – заверила на сей раз Агата. – Андрей осторожный... был. – При слове «был» она заплакала, дочь обняла ее за плечи. – Когда возникали проблемы у его приятелей, он говорил, что им не следовало на рожон лезть.

Главное Сербин выяснил, поэтому поднялся:

– Что ж, до свидания. – И ушел вместе с Олениным.

Он оглянулся на дом, а садясь в автомобиль на место водителя, чему-то усмехнулся. Оленин покосился на него с недоумением, Сербин заметил и пояснил свою усмешку:

– Ну и забор выстроили – до небес. Когда смотрю на такие заборы, понимаю: люди боятся. Итак... На сегодняшний день у нас есть мотив убийства – большие деньги. О сумме

знали члены семейства и Бельмас с гладиаторами.

– Думаете, Бельмас пулю выдал?

– Черт его знает. В кабинете могло произойти все что угодно. Сейчас поедem и отсмотрим пленки. Поглядим, кто входил в здание и когда. Работу большинство офисных служащих закончили в шесть, следовательно, толчеи на входе не было. Если Бельмас входил, то камеры должны зафиксировать его.

– Вы знаете, как он выглядит?

– Думаю, узнаю его, хотя прошло много лет. Конечно, «отдых» на нарах меняет внешность, поэтому для подстраховки попрошу разыскать в архиве фотографии Бельмаса анфас и в профиль.

В это же время в гостиной большого дома Андрея Тимофеевича, который он строил несколько лет (а прожил в нем всего два года), домочадцы сидели на тех же местах. Один Артур нервно ходил и бушевал:

– Я сам найду Бельмо, сам! И прикончу! Я уничтожу его собственными руками!

– Он уже далеко, – сказал муж сестры Никита. – За ночь можно всю страну пересечь на самолете.

– Все равно найду! Хоть на Сахалине, хоть на Камчатке найду!

– А я помогу тебе, – поддержал Вадим.

– Перестаньте говорить глупости! – прикрикнула на бра-

тьев Рита. – Тоже хотите трупами стать?

– А с чего вы решили, что отца прикончил Бельмо? – пожал плечами Никита. Он постоянно возражал братьям, за что те недолюбливали его. – Андрей Тимофеевич отдал ему деньги. Зачем было убивать его? Нелогично.

– Уголовники не имеют логики, – привел веский, как ему казалось, аргумент Артур. – Это сделал Бельмо, больше некому.

– И все же, Артур, – поднялась Агата, – убийством отца пусть занимаются прокуратура с милицией, а не вы. Может, ты ошибаешься. Твой папа и Бельмо когда-то дружили, я почему-то думаю, он не мог выстрелить в отца. И тем более в женщину.

– А кто, мама, кто выстрелил? – взревел Артур.

– Не знаю, – повысила и она голос. – Бельмо вор, а не убийца.

– Не идеализируй всякую шваль, которая называет себя ворами в законе, – вступил Вадим. – У них психология дикарей: пожрать, отнять, украсть, убить.

– Тебе напомнить, как кое-кто совсем недавно тоже хотел стать на позицию дикарей? – Мать намекнула ему на семейный совет в ресторане. – Не смейте вмешиваться, если не хотите, чтобы я умерла. Дайте мне слово, что вы этого делать не будете.

Нехотя, но Вадим дал слово. Артур молчал дольше, Агата не сводила с него строгих глаз. В конце концов, он тоже

буркнул неразборчивую фразу, мать приняла ее за обещание не совать носа к Бельмасу.

– Вот и хорошо. Я верю вам, – сказала она и ушла с Ритой к себе.

Никита потоптался по комнате, но, видя, что братья не имеют намерений продолжить разговор с ним, уехал. Артур рухнул на диван рядом с братом, прикрыл веки.

– Ты уверен, что это сделал Бельмо? – тихо спросил Вадим.

– Я не стал следователю говорить... – в тон ему заговорил Артур. – Полагаю, отец в последний момент передумал и решил не отдавать деньги.

– А сейф? Он же был открыт.

– Или Бельмо заставил отца открыть путем угроз...

– Тогда у него не было причин убивать, – возразил Вадим, перебив брата. – Забрал бабки и...

– Или, – прервал его Артур, – Бельмо сначала застрелил отца и свидетельницу, а потом открыл сейф. Для него это пара пустяков, а сейф там – одно название.

– Ну... – протянул Вадим возражающим тоном, но вдруг согласился: – Может, ты прав. Будем искать Бельмо?

– Естественно. Только никому ни слова.

С утра Держава смотался в магазин и купил дешевенький телефон той же фирмы, что у Японца. Покупка была сделана ради зарядного устройства, ну и запасную трубу не помеша-

ет иметь. Дождавшись часа, когда звонки не вызовут негативной реакции, Бельмо начал вызванивать всех с женскими фамилиями. Вызубренная фраза звучала с одной и той же интонацией:

– Здравствуйте. Это вы, Ксения?

– Нет, – звучало в трубке.

– Извините, я ошибся.

И набирал следующий номер. И получал тот же ответ – нет. Бельмо устал, налил себе чаю, пил, разглядывая Державу, листавшего органайзер Японца, и Горбушу, изучавшего документы, будто он в них что-то смыслил.

– Ну и чего ты пялишься? – буркнул Держава, даже не взглянув на шефа.

– Думаю, нам надо афиши изменить.

– Как? – поднял изумленные глаза Держава.

– Хотя бы парики приобрести.

– Бабские? – поморщился тот. – Не, не надену. Ни за что.

– Наденешь, – сказал Бельмо, отхлебывая чай, – никуда не денешься. Как вспомнишь про трупы, не нами заделанные, так и наденешь. Да и новые ксивы добыть надо. Тачку тоже поменять следует, а то на ней прямехонько ментам в лапы приедем.

– А где... – Держава потер щепоть, что означало: где деньги брать?

– М-да... – призадумался Бельмо, поглаживая бороденку. Его капитал, зарытый в «родовом поместье», изрядно исто-

щился. Деньги – что ветер, времена психованные, жизнь одна, а без бабок никуда. – Цепи загоните. На парики хватит, а вечером пойдем...

– В пивнушку, – хмыкнул Держава, – к Сандре.

– Нет. Пойдем либо в казино, либо в трактир для тех, кто бессовестно богат. Там я добуду энную сумму. Если, конечно, повезет.

– Не понял, – протянул тот. – А кто завязать собирался?

– Обстоятельства выше наших желаний, – вздохнул Бельмо почти со слезой в голосе. – Я не теряю надежды забрать свои бабки.

– У дамочки-убийцы? – скептически уточнил Держава. – Так она и отдаст!

– Отдаст. За наше молчание. Итак, за дело. Машину не трогайте, возьмите рикшу (на их языке это означало такси). Сначала цепи, потом парики. На вещевом рынке посмотрите, там дешевле. Потом поищите, кому загнать тачку без формальностей.

– Да номера другие поставить и перекрасить.

– А марка? Если будут шмонать марки, нас и в париках узнают.

– Да кто знает, на какой машине ты приезжал к Японцу?

– Поостережемся. Нам же пожизненный срок маячит! Мне-то уж точно. На кого я брошу своего единственного ребенка? Чертовой бабушке я обещал присмотреть за Сандрой. Вперед!

Держава и Горбуша послушно удалились выполнять поручение, а Бельмас снова принялся выбирать из записной книжки телефона Японца женские фамилии.

– Нет... Нет... Нет... – слышал в ответ.

И вдруг:

– Да, я.

– Ксения! – аж подскочил Бельмас, заходил в возбуждении по комнате. Хотя с чего он решил, что это та самая Ксения? – Ксения, мы с вами виделись, но не знакомы...

– Не понимаю, почему вы звоните с номера Андрея Тимофеевича?

– Видите ли... – Бельмас задумался на минутку. Как же ее заманить? – Сейчас не могу сказать, это не телефонный разговор, только при встрече. У меня есть для вас важная информация...

– По поводу макарон?

– Макарон? – У Бельмаса шарики в голове носились, как атомы вокруг ядра, придумывая ответ. Что за макароны? Вдруг это код, которым пользуются, когда не хотят, чтобы операторы связи поняли, о чем идет речь? Значит, надо вешать спагетти на уши. – Как вам сказать... Дело серьезное, слишком серьезное, но вы лицо заинтересованное. Давайте все обсудим при встрече? Сегодня же!

– Где и когда?

А он думал, придется ее уговаривать, приводить еще неизвестно какие аргументы, только чтоб она согласилась на

встречу. Бельмас возликовал, но тон держал ровный:

– Вечером не могу, я занят, а вот после обеда... Вас устроит?

– Устроит.

– Тогда в четыре часа в кафе «Малина». Оно в черте города, там всегдалюдно, вам нечего бояться...

– Я не боюсь. Буду в четыре. Но как узнаю, что вы это вы?

– Я к вам сам подойду.

Там, в кафе, он сначала посмотрит, та ли Ксения, тогда и подойдет, а если нет... Торжествуя, Бельмас потер ладони, упал на диван, закинул за голову руки и глубоко вдохнул. Хорошо, когда дело начинается с удачи...

Бельмас, действительно, отстал от жизни. Не знал, бедняга, что офисные здания обычно снабжены теперь системами слежения, что специальные люди или хотя бы видеокамеры наблюдают за входом, за окнами, стенами и даже крышей. Поэтому три вылета из окна камера зафиксировала. Пусть и неидеальным вышло изображение, но получить физиономии – дело техники. Сербин попросил парня, заведующего камерами слежения:

– А теперь еще раз вход дай. Время – без пятнадцати семь.

Пошли кадры. Входило людей немного, а вот выходило много...

– Стоп! – дал команду Сербин. – Ну, вот же они! Тройка удалых. Увеличить можешь?

– Конечно, – сказал паренек, нажимая на клавиши.

На экране изображение росло, росло... Теперь можно было рассмотреть хотя бы центральную фигуру, лица двух парней закрывали поля шляп.

– Это и есть Бельмо, – сообщил Сербин.

– Где? – наклонился к монитору Оленин, словно близорукый.

– Между шляп. Странно, зачем он так обставился, если шел на убийство? Два шкафа слишком приметны. И костюмчики у них запоминающиеся, как для маскарада. Постарел Бельмас. Постарел и подурнел. Раньше был красавец, хоть и невысок ростом.

– А чем прославился? – полюбопытствовал Оленин.

– Вор. Папа его был вор и дедушка тоже. Вероятно, и прадедушка был воров. У Бельмаса наследственное призвание. Однако он не простой вор, а, как сейчас говорят, элитный. Он не опустится до того, чтоб украсть бутылку вина в магазине или продукты, это ниже его достоинства и тоже наследие великих предков. В трамвае он не стырит кошелек у бабули или студентки, даже если голодать будет. Мало того, мелкого лавочника не обчистит. Бельмо выбирает крупную птицу, чтоб и мастерство показать, и нервы пощекотать. Забраться в квартиру, где полно антиквариата, вскрыть сейф, снять ювелирные украшения буквально на глазах – вот его профиль. Нынешнее время для него вообще раздолье (сейчас богатых стало достаточно много, чтобы притягивать к

себе таких вот Бельмасов). Под свои действия он подводит философскую базу, дескать, хапнул – поделись с ближним. Правда, по мокрой никто из его великих родственников не ходил ни при каких обстоятельствах. Они никогда оружие при себе не носили, кроме перочинного ножа. А тут пистолет... Брошенный не на месте преступления, а в корзину для бумаг у стола секретарши. Неужели Бельмо нарушил традицию? Кстати, всех Бельмасов звали Бельмо. Да и были они бельмом в обществе.

– Занятная личность, – выпрямился Оленин. – Откуда у него столько денег?

– Ограбил банкира, когда тот праздновал юбилей у себя дома. Бельмас пробрался туда под видом гостя, открыл сейф, забрал все: и деньги, и ювелирные украшения. Деньги, думаю, и отдал на хранение Гринько, а с украшениями попался, не успел спрятать. Вину он так и не признал, на суде нагло заявлял: подержать дали. Ну и судья дал ему семь лет.

– Кстати, вошла лихая тройка в здание без кейса, а вылетала с кейсом. Выходит, Бельмо деньги забрал. Будем его искать?

– А то как же! – Сербин встал со стула. Однако не уходил, а все смотрел на монитор. – Завтра получим фотографии летунов, поищем их портреты в банке данных. На это уйдет время. Вообще-то странно...

Взявшись за ручку двери, он вдруг повернулся к парню у компьютера:

- Сохрани записи за весь день.
- Как скажете.

«Малина» – недорогое и симпатичное кафе со ступенчатыми площадками, на которых располагались столики. На случай дождя и от солнца над ними пестрели купола разноцветных зонтов, а чтобы создать уют, хозяин поставил растения в больших горшках, повесил корзины с петуниями и маргаритками.

Бельмас и компания прибыли загодя, выбрали место наблюдения и ждали. Она подъехала на старенькой иномарке, вышла из машины, стремительно двинулась к столикам и между ними застряла, высматривая одинокую мужскую фигуру. Бельмас неслышно подошел к ней сзади:

– Здравствуйте, Ксения.

Она оглянулась, как оглядываются люди, внезапно испугавшись, вскользь и с недоверием оглядела его, выжидающе замерла. Он тоже подверг ее изучению, в первую очередь лицо. Если честно, стопроцентной красавицей Ксению не назовешь, скорее, она славненькая, как большинство женщин, ну, может, чуточку фигура получше, чем у большинства, да одета хорошо. А вот глаза заслуживали особого внимания. Именно они делали ее красивой, потому что в них столько неутоленного женского огня пламенело, что Бельмас, отвыкший от дамского общества, невольно проглотил слюну. «С такими глазами завалила двоих? – подумал он. – Даже

я на такое не способен, а она... Обмельчал народец». Бельмас быстро освободился от чар, так как спасение собственной шкуры (кстати, не только своей) важнее женских очей, продирающих от мозгов до пяток.

– Прощу вас, мэ, – указал он на свободный столик.

Как и полагается, Бельмас придвинул стул даме, Ксения села на край, положила сумочку на колени. Слегка наклонив голову набок, она смотрела на него вопросительно, а он снова ощутил примитивные позывы физиологии. Кажется, Ксения почувствовала неловкость, подвергшись пристальному изучению со стороны незнакомца, слишком откровенному, чтобы оно ей понравилось. Женщина взяла сугубо деловой тон, отсекающий всякие поползновения на ее счет:

– Вы что-то хотели мне сообщить?

– Да. Что вы будете есть и пить?

– Кофе, – поскромничала Ксения.

Бельмас заказал кофе и пирожные, себе рюмку коньяку, зная, как официанты не любят обслуживать трезвенников с язвенниками.

– Так что вы хотите мне рассказать? – настойчиво повторила она.

– Речь пойдет об Андрее Тимофеевиче... – начал издали Бельмас, прощупывая Ксюшу глазами и тем, что люди называют биополем.

– Это он вас прислал? – ершисто спросила Ксения.

– Нет, что вы. Он уже никого прислать не сможет.

Сказал невесомо, будто его слова не имели подспудного и весьма большого смысла. А сам исподволь так и поедал Ксению глазами. Она живо отреагировала на его намек:

– Что значит – уже не сможет?

Итак, пора подготовительного этапа исчерпана. Бельмас откинулся на спинку стула, поглядел на Ксению в упор и начал тоже по-деловому сухо:

– Вчера около семи вечера вы были у него.

– Да, была. И что?

Про себя Бельмас отметил, что держится она неплохо, будто трупов в глаза не видела. А ведь видела!

– Мы с вами столкнулись у лифта, – напомнил он.

– Ах, это были вы... Ну, столкнулись. К чему ваш загадочный тон?

– Хм, – усмехнулся Бельмас, зная, что сейчас предстоит нанести главный удар, он готовился к нему. – Я тоже поднялся к Андрею Тимофеевичу и... – Теперь он подался корпусом к ней, положив локти на стол. – Он был убит.

Ее личико заморозилось, а глаза широко распахнулись, да так и остались в распахнутом состоянии. Вовремя принес официант кофе с коньяком, Бельмас взял рюмку, улыбнулся потерянной даме:

– Ваше здоровье.

А Ксения за все время ни разу не моргнула. Черт его знает, что она там себе думала, глядя на Бельмаса двумя сливами? Он выпил коньяк, сунул в рот кружок лимона и даже не

поморщился.

– Пейте кофе, – сказал. – А то остынет. Здесь готовят потрясающий кофе.

– Что вы сказали? – вышла наконец женщина из транс.

– Вы заказали кофе, он стынет.

– Нет, постойте... Вы сказали, Андрей Тимофеевич... что?

– Убит. И не только он. Когда мы вошли, его секретарша еще была жива, но умерла прямо у меня на руках. Скажите, почему вы их убили?

Теперь ее глаза приобрели форму квадратов Малевича (кстати, таких же бесприсветно черных), подбородок предательски задрожал. Проницательный Бельмас почувствовал панику внутри Ксюши, а паника – плохое подспорье в ее положении.

– Но... когда я уходила... он был жив, – неуверенно выговорила Ксения.

– Возможно, не спорю, – равнодушно пожал плечами Бельмас, словно смерть Японца его не касалась, и продолжил гнуть свою линию, надеясь, что Ксения проколется: – Вы в него выстрелили, потом в секретаршу, и вполне вероятно, что, когда вы уходили, он был еще жив.

– Я не стреляла! – взвилась Ксения.

– Тише, тише, – слегка поднял ладони он. – Не стоит привлекать к нам внимание. Вы не стреляли? А кто же тогда это сделал? Вы выбежали из лифта в весьма возбужденном со-

стоянии...

– Конечно! Я поругалась с Андреем Тимофеевичем. Мое состояние не относится к его... А вы уверены в том, что он...

– Ну, уважаемая, я в состоянии отличить убитого от живого. Это так просто.

Снова пауза по ее инициативе, будто она находилась под воздействием психотропных веществ. Внезапно Ксения достала сотовый телефон, нажала на кнопки, поднесла к уху:

– Здравствуй, Артур. Я не могу дозвониться до Андрея Тимофеевича, ты не мог бы... Неужели? А когда? Прости...

– Убедились? – спросил Бельмас, подметив, что Ксения сильно побледнела. Эдак еще в обморок упадет, что ему тогда делать?..

Она вскинула на него глаза, метнула молнии:

– А почему вы думаете, будто его я...

– Вы последняя, кто побывал у Андрея Тимофеевича.

Сразу же после вас вошли в кабинет мы.

– Так вы и убили, – зло прошипела она.

– У меня два свидетеля, – нагло заявил Бельмас. Ей необязательно знать, что и он, и его свидетели совсем недавно глядели на мир из-за колючей проволоки. – А у вас есть свидетели, которые подтвердят, что вы не стреляли?

Ксения опустила голову, на стол закапали слезы. Бельмас, который всегда нежно относился к слабому полу, подумал, что бедняжка, наверное, во время ссоры плохо контролировала себя, поэтому и выстрелила. Но посчитала, уложив и

секретаршу, что никто не догадается о ее чудовищном преступлении. Жалко, конечно, Ксюшу, но перспектива сесть за ее красивые глазки на бессрочное содержание государства, извините, Бельмасу не улыбалась.

– Я не стреляла, – всхлипывая, прошептала Ксения. И забубнила, как молитву на одной ноте: – Я не убивала... Боже мой, боже мой... Этого не может быть... Он же был жив... Но подумают на меня... Вы им скажете...

– Пока я никому не сказал, – вырвалось у Бельмаса.

Ее отчаяние было слишком очевидным, чтобы спокойно наблюдать. В конце концов, может, у нее действительно сложились обстоятельства таким образом, что другого выхода не виделось.

– Не сказали? – оживилась она. А затем, словно у нее внутри стоит переключатель, вдруг насторожилась. – Почему? Почему вы не сказали? Будут думать на вас...

– А никто не знает, что я там был.

– Не знает... – повторила Ксения, посмотрев на него с жалостью. – Узнают. Они все узнают. И что вы были там, и что я была...

– Как, простите? – усмехнулся Бельмас.

– Там везде камеры.

– То есть? – невольно съежился он.

– Камеры фиксируют, кто входит и выходит.

Он успокоился.

– Значит, они зафиксировали убийцу и вам нечего боять-

ся, если вы сказали мне правду, будто не стреляли.

– Нет. Камеры находятся с внешней стороны, а также сканируют входы внутри. Андрей Тимофеевич не стал устанавливать видеонаблюдение в самом офисе – он слишком жаден был! – хотя многие бизнесмены у себя в офисах установили.

Он поскреб лоб пальцами и чуть не выкрикнул: будь прокляты все изобретатели мира! Камеры... Значит, его фотокарточка вскоре будет у следяков на столе? Одно дело, когда он должен был прийти за деньгами, а не пришел, и попробуй докажи, что он там был. Другое дело – приходил, что подтверждено документально. Пардон, визуально. И приходил с двумя мальчиками, с которыми на «курорте» парился и к тому же подружился. Плохо, очень плохо. Нет, это не плохо, а хуже некуда! Бельмас достал пачку сигарет, закурил.

– Вы-то чего испугались? – уже надменно заговорила Ксения. – Не вы же убили Андрея Тимофеевича и его шавку, а я. Вам-то бояться нечего. Так ведь?

Ничего себе тон! Вызывающий. Быстро она пришла в себя. А что означает такая смена ее настроений? У дамочки есть некий козырь?

– А почему вы к нему пришли? – осведомился Бельмас. Интересно, что она будет врать.

– Сказать, что он негодяй и что я подам заявление в прокуратуру.

– Сказали?

– Разумеется. А то он думал, ему все с рук сойдет!

– Чем же провинился Андрюша?

– Выманил у меня деньги. Мы оба должны были вложить деньги в производство макарон – фактически купить макаронный цех у одного не очень удачливого предпринимателя. Цех остановился, потому что им надо было заниматься и отвоевывать рынок. Мое участие ограничивалось вложением денег, Андрея Тимофеевича, в общем-то, тоже. Руководить предприятием должен был бывший заместитель. Мы подписали договор, я перечислила деньги на счет Андрея Тимофеевича. Гринько лгал мне, будто бы продукцию не пустили на рынок, инспекции нашли множество нарушений и так далее. Он тянул время! А на самом деле Гринько сам купил цех, без оформления долевого участия, мои деньги он попросту прикарманил. Для кого-то два миллиона мелочи, для меня же огромная сумма. Я отказывала себе во всем, работала сутками, а какой-то мерзавец решил присвоить мои деньги!

– Почему вы мне рассказываете все эти тонкости?

– Потому что мы с вами в равных условиях. Я ушла, когда Гринько был жив, вы пришли, если вам верить, когда он уже был мертв. Значит, его убили в этом временном промежутке, но получается – мы с вами подозреваемые.

– Не в равных, – возразил Бельмас и добил Ксению: – У вас был мотив его прикончить, а у меня его не было.

– Считаете, два миллиона серьезный мотив, чтоб убить?

– Полагаю, прокурор и судья будут считать именно так.

Ксения обхватила щеки ладонями и окончательно упа-

ла духом после обрисованной Бельмасом перспективы. Он же, наблюдая за ней, анализировал. Конечно, сейчас полно внешне пушистых, респектабельных, обаятельных, а загляни им в душу – там такое увидишь, что волосы дыбом встанут и больше не опустятся. Бельмас отлично знал преступную породу, сам не кристалл горного хрусталя, однако Ксения с пистолетом в его представление не вписывалась. Безусловно, стержень у нее имелся, характер далеко не сахарный просматривался, только этого мало, чтобы выстрелить в человека, даже если тот человек – последнее дерьмо. Надо перелицевать себя или таким родиться – изнаночным, подобное же чудо природы Бельмас нюхом чуял, как бы оно ни маскировалось. А Ксения... нет, она обыкновенная. И повезло миру, что обыкновенные люди в нем в подавляющем большинстве представлены, иначе апокалипсис, которым так много пугают, уже наступил бы. Стало быть, убила не она?

– Меня кто-то подставил, – сказала Ксения больше себе, чем ему.

Подставили – да. Но не ее, а Бельмаса с Горбушей и Державой. При всем том, если фараоны узнают, что она была в то же время у Японца, и ей придется перейти на казенную баланду.

– А кто знал, что вы идете к Гринько? – подхватил он, используя единственный шанс выяснить, кто же есть истинный спортсмен по стрельбе.

– Никто, – вздохнула она. – У меня желание возникло

спонтанно, от злости. Вчера я узнала, что заместитель, который, как мне сказали, должен был стать во главе предприятия, понятия не имеет об этом – с ним никто не договаривался, у него новая работа. Он же и сказал мне, что предприятие купил Гринько, никаких дольщиков-пайщиков вроде меня нет. Ну, я и понеслась к нему... Честно скажу: у меня было одно желание – плюнуть ему в лицо. Вместо этого...

– Вместо этого убили Японца и его секретаршу, – задумчиво произнес Бельмас. Она открыла было рот, чтоб начать отрицать, мол, она не убивала, и Бельмас внес уточнение: – Убили сразу после вашего ухода. Кстати, сколько времени вы пробыли у него?

– Минут пять. Да, не больше. Высказала ему все и ушла. Даже не стала слушать, что он мне скажет.

– Ксения, когда вы уходили от него... вы же прошли приемную, потом коридор со множеством дверей по обеим сторонам, потом...

– Потом я вышла на площадку к лифту.

– Вы ничего не заметили? То есть никого? Или так: вам не показалось что-нибудь не совсем типичным?

– Как будто нет... – Она приподняла плечики, вспоминая вчерашний, роковой для нее и для него день. – Вас интересует, видела ли я посторонних людей в офисе Андрея Тимофеевича?

– Да-да, интересует, – закивал он. – Ну, не посторонних... вряд ли убийца был так неосторожен, что его можно было

заметить даже нечаянно. Иначе мы с вами сейчас не разговаривали бы. Но хотя бы что-то необычное было? Вспомните, Ксения, подойдет абсолютно все ваши впечатления.

Женщина вытаращила безумные глаза и едва вымолвила:

– А... он что... и меня мог... да?

– Если б вы его случайно увидели, он бы и вас застрелил.

Это же естественно.

– Естественно? – выдавила Ксения. Казалось, ее больше потрясла несостоявшаяся смерть от руки убийцы, нежели то, что в убийцы прямым ходом попадает она сама. – Какой ужас вы говорите! А он что, был уже там? То есть я уходила, а тот, который стрелял, был уже там... И застрелил вора Гринько и его злющую ведьму... О боже!

Наконец в головке Ксении полностью вырисовалась картина того, что произошло, а ее реакция для Бельмаса стала неожиданной. Ксения вдруг уронила голову на скрещенные руки и разрыдалась. Он придвинулся к ней, оглядываясь по сторонам. Но на них, к счастью, никто не смотрел.

– Ксения, перестаньте, – слегка толкнул ее Бельмас в плечо. – Выпейте кофе... А сигаретку хотите?

– Не хочу-у-у... – тряслась она. – О, меня арестуют... Даже разбираться не станут, а сразу посадят...

– И там люди живут, – неудачно утешил Бельмас.

– Идите вы с такой жизнью знаете куда? – огрызнулась Ксения. Но не от злобы, а от паники и отчаяния.

– Я б пошел, если бы это помогло вам и мне. Послушай-

те, Ксения... – Он зачем-то понизил голос, хотя слышать их никто не мог. – У вас есть место, где вы можете спрятаться?

– Спрятаться? – кусая губы, спросила она. Идея спрятаться ей наверняка понравилась, потому что Ксения перестала реветь, только хлюпала носом. – Я никому не открою дверь и не буду подходить к телефону.

– Не годится. Нужно более надежное место.

– Надежное... – повторила Ксения, туго соображая. – Не знаю. Может, у друзей... на даче...

– Вы уверены в них? Случается, самыми ненадежными становятся друзья, поверьте мне, – заявил знаток жизни Бельмас. Женщина совсем расстроилась, растерялась. – Ладно, что-нибудь придумаем. Сейчас поезжайте домой, соберитесь, а завтра я позвоню вам.

– А что будет завтра? – нетерпеливо спросила Ксения.

– Перевезу вас в надежное место, где менты не найдут.

– У меня дочь. Ей восемь лет. А ее куда?

– Там места хватит.

Он встал, протянул руку даме – бедняжка поднялась со стула, словно на плечах держала каменную глыбу, – и повел ее к месту парковки. У своего автомобиля Ксения опомнилась:

– А вам-то какая выгода меня покрывать?

– Вы спрячетесь, а я попробую найти убийцу.

– Ха! – горько хохотнула Ксения. – Думаете, его не ищут?

– Мне не нужно, чтоб вас нашли и задержали, потому

что тогда я лишусь своих денег. Убийца унес мой долг... то есть деньги, которые был мне должен Андрей Тимофеевич Гринько. Думаю, из-за них его и убили. Если вас под рукой не окажется, господа из органов будут лучше шариками шевелить, авось у них другие версии появятся.

– Много был вам должен Гринько?

– Много. Очень много. Я хочу их вернуть.

– Но искать будут меня, а не другого человека.

– Я позабочусь, чтобы искали настоящего убийцу. Поезжайте домой... Да! Запишите мой номер телефона и звоните в любое время дня и ночи.

Он смотрел вслед машине Ксении, пока та не скрылась, после повернулся к своим парням, махнул рукой – мол, идите сюда. Бельмас заказал обед, ведь с утра все трое ничего не ели. Во время обеда Держава поглядывал на него с неммым вопросом. Бельмас пересказал диалог с Ксенией, закончил:

– Завтра перевезем ее в мое родовое поместье.

– А если сбежит? – спросил Держава, не склонный доверять слезливым дамочкам.

– Тогда мы будем знать точно, кого искать. Ее.

Держава, не отличавшийся большим умом, понял, что Бельмо не так прост и доверчив, как могло показаться. А Бельмас на девяносто девять процентов был уверен, что не Ксения убила Японца. Но один процент сомнения оставался. Его просто необходимо оставлять, чтобы не очутиться голеньким перед подлостью. Оказав Ксении услугу, он одно-

временно брал ее под личный контроль. Вот и вся нехитрая арифметика.

– Он базарил в «Малине» с Зарецкой, только что она уехала, – доложил по сотовой связи тот же, что «подхватил» вчера Бельмаса у офисного здания. – Посадить ей на «хвост» Дьяка?

– Не надо, – последовал ответ. – Ваша задача Бельмо. Кстати, он и Зарецкая случайно там встретились или договорились?

– Похоже, договорились.

– Я хочу знать о нем все. Склиф, сообщай мне о каждом его шаге. Где он сейчас?

– Вернулся за стол с гладиаторами. Официанта позвал, жрать собирается.

– Ну, пусть кушает.

Склиф получил кличку в честь самого Склифосовского, именем которого названа больница в Москве. Так прозвал его один остряк, который два года назад погиб в перестрелке, потому что умная голова дураку досталась. Надумал он в обход шефа деньжат срубить, причем много и сразу, вот и выкрал малолетку да потребовал выкуп, только с выкупом приехали менты. Но речь не о нем, а о Склифе. Как и великий доктор, он умел лечить, но упрямец, а не больных. Склифосовский – длинно, хотя поначалу его так и звали, позже укоротили прозвище.

Склиф проторчал у «Малины», потом поехал за машиной, в которой ехали Бельмо и его гладиаторы. Затем ждал там, у дома.

И вдруг часов в восемь вечера Бельмо вывалил из подъезда. Склиф его не узнал бы даже по черной бородке, но за ним плелись два приметных бугая, которые тоже видоизменились, приобретя потешный вид. Все дело оказалось в париках, коими компания Бельмаса приукрасилась. Троица села в такси и укатила. Склиф в голос расхохотался и велел водителю ехать за ними. Когда же увидел, куда именно устремился Бельмо, позвонил шефу:

– Он в казино.

– Я приеду. Хочу посмотреть на него.

В черном парике – волосы до плеч, – благодаря которому Бельмас преобразился в загадочного субъекта, он крутился возле столов. В данном деле Горбуша и Держава ему не помощники. Он заставил их снять парики, усадил за столик в баре при казино и велел пить только кофе, потому что стоимость остальных шедевров кулинарии им пока не по карману. Деньги надо беречь, ибо траты предстоят огромные. Разочарование Бельмаса трудно представить – обчистить тут оказалось некого. Парочка щеголих повизгивала у рулеток, сверкая маленькими камешками в ушах и на пальцах, но все это не то. Из мужчин вообще ни один не показался денежным мешком. Бельмас вернулся к приятелям смурной.

Он уже решил попытаться счастья в другом месте, как вдруг в бар вплыла женщина...

Нет, не женщина, а необъятный стенд с ювелирными работами. У Бельмаса глаз – алмаз, он мигом поставил ценник на некоторые части стенда. В ушах по «жигулям» последнего выпуска. Там, где должна быть шея (но ее не было, а плотно, прямо, на плечах сидела головка с узкими глазками, узким лбом и узким ртом), а точнее, на выпуклой груди возлежал «мерседес», не меньше. На руке часики – кремлевские куранты подешевле будут, на втором запястье браслетик как из Алмазного фонда. Колечки не считаются, они

вросли в пальцы стенда, следовательно, нежно и незаметно снять их невозможно, разве что под гипнозом. После мимолетной оценки Бельмас составил психологический портрет клиентки. Размерчиком она о-го-го, отсюда следует, что дама приторможена. Он давно заметил: полные люди медлительны, толстые – вдвойне медлительней, все доходит до них с большим опозданием. Однако глазки-щелочки на круглом личике, основательно сидящем на тройном подбородке, игриво и далеко не заторможено постреливали по сторонам – значит, дамочка не замужем, но ее сорокалетняя душа и тело жаждут принадлежать мужчине. И что-то в ней было бесприсветно глупое, а глупость – подруга вора.

«Красавица» подплыла к бару, залезла на высокий стул и долго устраивалась на нем, крутясь на попке. Впрочем, к попке (такому изящному словечку) ее «мадам сижу» имела далекое отношение. Бельмас отхлебнул кофе и с готовностью двинул к стойке.

– Мохито, – бросил он бармену и как бы вдруг увидел даму, будто секунду назад не приметил ее. Элегантно раскланялся: – Простите, я, кажется, влез без очереди.

– Мне водку с томатным соком, – сказала дама бармену тонким голосом, хотя по идее при такой комплекции должна могуче трубить в низком регистре.

Бармен приступил к своим обязанностям. Тем временем Бельмас наклонился вниз, протянул руку к полу и, выпрямившись, положил перед дамой то, что должно висеть на том

месте, где у всех людей находится шея:

– Случайно не ваша вещица?

– Ай! – заполошно вскрикнула она, ощупывая площадку на груди. – Мое! Это мое кольцо... Как же оно...

– Наверное, плохо застегнули, – улыбнулся он.

– Вы очень честный человек, – сжала она его кисть.

– Спасибо, – откликнулся на комплимент Бельмас, а сам краем глаза скользнул внутрь сумочки, которую женщина открыла, кидая туда кольцо. Тут же определил: денежки есть. И много. Целая стопочка из купюр. Но кольцо...

– Нет-нет, – поспешно сказал он. – Наденьте. Украшения должны украшать, а не лежать в сумках.

– Боюсь опять потерять.

– Я помогу надежно застегнуть замочек.

Дамочка достала кольцо, Бельмас повесил его на нее и уселся на стул, приготовившись пить коктейль в обществе ювелирного стенда.

– Разрешите вас угостить? – спросил стенд, плоскую свою сумочку небрежно положив на стойку.

– Видите ли, я не привык, чтоб дама платила...

– Ах, боже мой, какие вы гордые, – кокетливо пролепетала она. – Все же позвольте мне заплатить. Пожалуйста! Я бы потеряла гораздо больше, если б не вы.

– Ну, раз вы настаиваете...

– Настаиваю, – капризно сказала дама.

Получив напитки, они разболтались, познакомились. Со-

вершенство чревоугодия звали (кто бы мог подумать!) Джулией, полное имя Джульетта. Она отнюдь не была заторможена, напротив, активна до навязчивости. Тарахтела без остановок, старалась понравиться господину... он представился скромно: медиумом Давидом Синдаром. Лепил от балды. Ну, раз она Джульетта, то почему он должен быть Жорой?

– Медиум – это что-то мистическое? – замороженно проговорила Джулия.

– Да. Еще мой дед, а он был потомственный индус, привез в Россию знания о мистическом понимании сущностей. А вы, Джулия, чем занимаетесь?

Бельмас удачно перевел стрелки на нее, а то новая знакомая закопается в вопросах мистики и не выгребет.

– Прозой, – вздохнула она. Крикнула бармену: – Еще водки с томатным соком и... это... Что вы пьете?

– Мохито, мятный коктейль.

– И мохито для господина...

– Синдара, – напомнил Бельмас.

– У меня пекарни, – сказала Джулия. – Хлебобулочные изделия, пирожки, печенье... Разве это не проза? А предсказывать судьбу вы умеете?

– Я все умею. Дайте-ка мне вашу ручку. – Она протянула пухлую ладонь, начался сеанс хиромантии. – О, у вас есть все для успеха. Линия жизни длинная, без подводных камней, без болезней. Вы натура страстная, – это он прочел по уси-

кам над верхней губой, – а скоро... да, в ближайшие дни... у вас появится друг, обогащенный интеллектом и соответствующий вашей неординарной натуре. Благосостояние ваше возрастет. Будете купаться в роскоши, удача ваша сестра, но... вас ждут некоторые потери.

– А потери какого характера? – заинтересовалась дама.

– Материальные. Не придавайте им значения, восполните вы их быстро. Без потерь не приходит понимание, что все в мире тленно, вечна лишь душа.

– Как красиво вы говорите. Выпьем еще?

– Выпьем.

Да он с радостью! Однако напоить такое сокровище весьма затруднительно, если учесть, что каждый килограмм веса требует своей части алкоголя. А ведь самому-то необходимо оставаться трезвым! Но у него есть талант заговаривать зубы. Именно этим и занимался сейчас Бельмас. Джулия вручила ему свою визитку, пригласила навестить ее, а он – какая досада! – забыл свои визитки. Кончилось тем, что порядком все же захмелевшая Джулия погрузилась в такси и уехала... без колье. Бельмас, разумеется, проводил ее, посадив в машину и галантно захлопнув дверцу.

Сидя в углу за столиком, Шах выпятил губы:

– Когда он снял колье? Выходила она уже без него.

– Хрен его знает, – пожал плечами Склиф. – Я не заметил.

– Мне нужны все его связи. Особенно личные.

– Добудем.

Бельмас вернулся в бар, но только чтобы позвать Державу с Горбушей. Дома он кинул на стол кольцо, снял пиджак и бросил его на спинку дивана, Держава с опаской поинтересовался:

– Не боишься, что она запомнила тебя?

– А подготовительный процесс для чего? – самодовольно хмыкнул Бельмас, завалился на диван и закинул руки за голову. – Прелестная Джулия – во всяком случае, она так думает, что состоит из одних прелестей, будет уверена, что потеряла-таки побрякушку. В сумке у нее бабок... ммм! Неприличная для дамы куча. Но я не тронул их. Именно потому, чтоб она не сомневалась во мне и не заявила в милицию. Все! Я пьян и хочу бай-бай. Ужинайте без меня.

– Слышь, Бельмо, – не отстал Держава. – А как загоним? Не сцапают?

– Уф, – вздохнул тот, повернувшись на бок и сложив ладони у лица. – Сразу видно: в наших делах ты ни бум-бум. Маклаков, скупщиков незаконного барахла, полно в любом трапезном городишке. А у меня здесь связи.... Иди, я устал.

Держава поплелся на кухню, где Горбуша варил макароны.

Со стороны могло показаться, будто Бельмо занят всяческой ерундой, а про убийство забыл или, скажем, отнесся к нему беспечно. Наверное, поэтому за завтраком Держава и Горбуша поглядывали на шефа с плохо замаскирован-

ным недоумением. А он не привык выставлять напоказ свою озабоченность. На самом деле из нашего Бельмаса не выходил тот момент, когда он увидел пробоину в теле Японца. И думал, думал постоянно, где бы ни находился, сопоставлял время, вел расчеты. В нем проснулась жажда разгрести ситуацию. Ведь одно дело идти по этапу за воровство, другое – за убийство, причем за чужое. Фу-фу-фу! Убийство – дело для бездарей. Бельмас никогда не участвовал даже в разбойных нападениях. Он мастер, а мастера не бьют дубиной по головам, они работают красиво, искусно и без кровавых жертв.

После скромного завтрака, состоявшего из хлеба с маслом и сыром, он позвонил Ксении. А та вдруг заявила:

– Благодарю вас, Георгий, за заботу, но прятаться я не буду. Я ни в чем не виновата...

Даже на расстоянии Бельмас уловил лукавство с ее стороны, поэтому перебил:

– Вы докажете?

– Что именно?

– Что не виноваты?

Последовала пауза. Конечно, не докажет, значит, причина в другом, сделал вывод Бельмас и продолжил:

– По-моему, вы боитесь меня.

– Да-да, боюсь! – нервно выкрикнула она. – С чего бы вам помогать мне?

– Стоп, Ксения, стоп. Не кипятитесь. Давайте я приеду, и продолжим обсуждение наших дел с глазу на глаз, а не по

телефону.

– Да нет у нас с вами никаких дел!

– Есть, уважаемая. – Далее ему пришлось продумывать слова. – Тот, кто побывал в кабинете до моего прихода и сделал то, что сделал, унес мои деньги. Вам не кажется, что мое желание их вернуть вполне естественно?

– А какая связь между мной и вашими деньгами?

– Прямая. До того прямая, что вам лучше послушать меня. Разрешите мне навестить вас прямо сейчас?

Опять пауза. Она думала. Наконец созрела:

– Хорошо, приезжайте.

Бельмас отключился от связи, повернулся к Державе:

– Поезжай на авторынок, поищи покупателя на нашу тачку, а мы с Горбушей отправимся за Ксенией.

– Далась тебе эта слива! – проворчал тот, собираясь. – Нутром чую, она пришила Японца.

– Разговорчики! – вяло прикрикнул на него Бельмас.

Через сорок минут он звонил в дверь Ксении. Женщина открыла, но смотрела на него затравленно и через цепочку.

– Мы так и будем разговаривать? Через цепочку? – поинтересовался Бельмас.

– Вы один пришли?

– Со взводом! – Бельмас взметнул вверх руки, после заходил по площадке. – Нет, что вы себе надумали? Я бандит, да? Жажду вас прикончить? На фиг вы мне нужны! Сидите здесь и ждите, когда за вами придут менты или... убийца.

Он пошел к лифту.

– Стойте! – Ксения закрыла дверь, через секунду распахнула ее и как бы сделала одолжение: – Ладно, входите.

– Благодарю за оказанную честь, – желчно проговорил он, перешагивая порог. Проходить в комнату не стал, «наехал» прямо тут, в прихожей: – Моя забота о вас ограничивается моим же интересом. По логике я не должен верить вам, потому что все указывает на вас. Если вы убили...

– Не кричите, моя дочь спит.

– Если вы убили Японца... – продолжил он шепотом, она перебила:

– Кто такой Японец?

– Андрей Тимофеевич Гринько, – процедил он зло. Бельмас не терпел упрямства, а также того, когда его перебивают. – Такая у него кличка с юности. Он был моим другом. И если вы его убили, то вы же унесли мои деньги...

– Ха! Ищите! Ищите свои деньги, разрешаю.

– Но я думаю, вы этого не делали...

– Почему вы так уверены?

– Отвечу. Но сначала вы скажите: почему не убили раньше Японца? В шесть закончился рабочий день, офис явно опустел к половине седьмого. Так почему его не убили в это время или чуть раньше, чуть позже?

– Откуда мне знать.

– А я знаю. Ровно в семь должна была состояться встреча, на которой он собирался отдать мне деньги. Вы пробыли в

кабинете пять минут, значит, пришли где-то...

– Без пятнадцати семь, – назвала она точное время. – В приемной есть часы, я на них глянула.

– Значит, Японца застрелили примерно без десяти или девяти минут семь, не позже. Без десяти я подъехал к зданию. К этому времени и готовился убийца. Но вы не знали, что я приду. Не знали, какие у меня дела с Японцем, кто я такой есть. А убил тот, кто знал это. Как только неизвестный застрелил Японца с секретаршей, он тут же вызвал милицию.

– Милицию? Зачем? – недоумевала Ксения.

– Чтобы меня взяли на месте преступления. Отсюда следует: он хотел сделать убийцей меня. Но я ушел до появления милиции.

– Вчера вы говорили другое: что у вас нет мотива, – напомнила она.

– Время прошло, у меня появились другие мысли! – снова взревел Бельмас, но тут же перешел на шепот. – Есть факт: временной промежуток, когда был убит Японец, настолько короткий, что нас с вами могут объявить сообщниками. Вы случайно оказались в ненужный час в ненужном месте, как и секретарша, задержавшаяся на работе. С одной стороны, случайность с вами убийце на руку. Это же головоломка для следakov – кто из нас двоих убил Японца? С другой стороны, неизвестный должен понимать, что я без боя не сдамся. Однако вы вовремя ушли, иначе стали бы третьей убитой, его ведь поджимало время.

– Почему поджимало?

Она тормоз! Бельмас набрал полную грудь воздуха и закатил глаза к потолку, сдерживая в себе негативные эмоции, рвавшиеся наружу. Сдержал. Тон взял спокойный:

– Я битый час вам толкую: убийца планировал застрелить Японца перед моим приходом. И застрелил. И забрал мои деньги. И милицию вызвал, чтоб меня сцапали. Теперь слушайте внимательно, а то мне надоело уже повторять. Вы его не видели, а он вас видел. Когда убийца поймет, что его вот-вот разоблачат – а я для этого сделаю все зависящее от меня, – он придет к вам.

– Зачем? – дернулась Ксения.

– Убить вас. Да-да, дорогая. Он не хочет на нары. Туда, по его расчетам, должен попасть я. В этом смысле ваше появление у Японца ему подарок. Он снова попытается подставить меня, чтоб увести следствие от себя. И тогда выйдет: вы моя сообщница, я убрал вас на всякий случай.

– Слишком заумно. Мы с вами встретились уже после всего.

– Нет, любезная...

– Перестаньте говорить напыщенно, вы не в театре!

– Мы в самом настоящем театре, – возразил Бельмас, утирая пот со лба. Уже взмок, убеждая дурочку! – И кто кого переиграет, зависит от быстроты действия серого вещества в головах противников. Хорошо, вы не любезная. Мне вообще плевать, какая вы есть, но ваша смерть мне не нужна. А когда

мы с вами встретились – до того или после того, – для следователей неважно. Они выяснят – там же везде камеры! – что вы были в здании в момент убийства. И я тоже. К кому мы приходили, тоже выяснят. Этого достаточно, чтобы ваш, простите, труп, повесить на меня. Едете со мной?

– Куда?

– В безопасное место. Вас там ни одна собака не найдет, а я займусь поисками убийцы и своих денег.

Ксения опустила на стул в прихожей. О, как ее мучили сомнения вместе со страхами! Невооруженным глазом было видно.

– Собирайтесь, черт вас возьми! – разозлился Бельмас, хотя понимал: злость не лучший прием. – Я хочу себя обезопасить.

– А как же моя работа? – промямлила женщина.

– Работа? – потерялся он. – Ну, да, работа – это святое... У вас не все дома? Вы хоть немножко соображаете, что несете? Вы и в гробу будете работать? Тогда я пас. Извините.

Он открыл дверь, но перешагнуть порог не успел – Ксения остановила:

– Подождите. Я поеду.

Она с неохотой поплелась в комнату, Бельмас, возликовав про себя, крикнул:

– Постельное белье захватите, там нету.

Сидя за рулем, Горбуша от нечего делать рассматривал

большой двор. Собственно, остановить взгляд было не на чем, поэтому его внимание привлек автомобиль сзади, который он видел в зеркало заднего вида. Автомобиль въехал сразу за ними, остановился в отдалении, а никто оттуда не вышел. Может, кого-то ждут? Разумеется, Горбуше было все равно, кто и кого ждет, но время от времени он поглядывал в зеркало, лишь бы чем-то занять себя. Прошло минут сорок, автомобиль стоял одинокий и словно пустой, к нему никто не подходил, из него никто не выходил.

Появился Бельмас с двумя баулами, Горбуша помог уложить вещи в багажник. Потом из подъезда вышла бледная Ксения с худенькой девочкой и еще с одной сумкой, их усадили на заднее сиденье. Горбуша завел мотор и вопросительно уставился на Бельмаса.

– В мое родовое поместье, – скомандовал тот. – Скорость не превышай.

Воскресный день, проезжие дороги относительно свободны, но Горбуша безукоризненно следовал правилам, послушно останавливаясь на светофорах и перед «зебрами», пропуская пешеходов. На одном из светофоров он высунул локоть в окно, насвистывая, бросил взгляд в зеркало... и перестал свистеть, всматриваясь назад. Ему показалось, что он узнал черный БМВ. Правда, его перекрывал ближний автомобиль, была видна только часть машины.

На следующем светофоре Горбуша уже не сомневался: позади находится тот же автомобиль, что стоял во дворе. Но

как получилось, что он следует за ними? Пассажирам БМВ по пути? Если бы не труп Японца и явная подстава, Горбуша не придал бы значения «бумеру»-попутчику сзади, но в данных обстоятельствах не грех подстраховаться. Он свернул в сторону, на что живо отреагировал Бельмас:

– Ты куда? Нам же прямо.

Разумеется, Горбуша не ответил, лишь посматривал в зеркало. Вдали снова появился «бумер». И еще свернул Горбуша, проехал несколько километров, свернул. Сосредоточенность, а также странные маневры Горбуши насторожили Бельмаса:

– Что-то не так? – Тот лишь утвердительно кивнул, после чего глянул в зеркало. – «Хвост»? – Такой же кивок. – Ты уверен?

– Что случилось? – забеспокоилась Ксения.

Бельмас повернулся всем корпусом к ней, уложив локоть на спинку, улыбнулся, а сам смотрел назад:

– Мы же не купили продукты, а там, где вы будете некоторое время жить, забыли построить супермаркеты. – Бельмас принял прежнюю позу. – Гони, Горбуша. В этом районе не оштрафуют за превышение скорости, тут штрафовать никому.

Тот нажал на газ, начал лавировать по улицам.

– У меня ощущение, будто мы убегаем, – сказала Ксения. – Нельзя ли ехать потише?

– Время, уважаемая, время! – остался спокойным Бель-

мас, во всяком случае, внешне. – Сегодня у нас еще куча дел в городе.

Его не интересовало, поверила ли она. Он крепко держался, так как Горбуша в упоении выкручивал руль, отчего машину заносило то вправо, то влево. Визжали на поворотах колеса, Дуня, дочка Ксении, взвизгивала от восторга и залиристо смеялась. А «бумер» настойчиво преследовал. Не догонял, нет, просто следовал за ними, что было более чем очевидно.

– Мы в аварию попадем, – предупредила Ксения.

Разве ж ее услышали?

– Отрывайся, – скомандовал Бельмас.

У Ксении сначала глаза расширились, а потом она попросту зажмурилась, чтоб не видеть, с какой скоростью они мчались. Горбуша петлял по улицам, а на окраине они делятся на короткие кварталы. Тут так: чуточку отстал – и не угадаешь, куда свернула машина. В общем, оторвались. Для собственного спокойствия переехали в другой район. Бельмас велел Горбуше остановиться у магазина, вышел, но его задержал встревоженный вопрос Ксении:

– От кого мы убегали?

– Вам показалось, – захлопывая дверцу, сказал он.

Не удовлетворившись ответом, Ксения пристала к Горбуше:

– Все же, что это было? Почему вы ехали так быстро? – Тот ни полслова не произнес, она тронула его за плечо, Гор-

буша обернулся. – Георгий думает, я глупая девочка? Он приказал вам оторваться. Значит, мы убежали?

Горбуша улыбнулся, ободряюще подмигнул и развернулся к рулю – вот и весь его ответ. Ксения не знала, что думать. Она запаниковала, недавние убедительные слова Бельмаса уже казались ей лживыми, пришла мысль сбежать, но в этот момент появился из магазина Бельмас с двумя пакетами. Он кинул их в багажник, затем сел на свое место и махнул рукой Горбуше, мол, вперед. Ксения нащупала в сумочке газовый баллончик и не выпускала его из рук.

Приехали на хутор, остановились у заброшенного плетня, за которым торчал лес из сорняков. Бельмас открыл дверцу и сказал Ксении:

– Выходите.

– Куда вы нас привезли? – спросила она, оставшись сидеть.

– Вон в том домике вы поживете. – Видя, что она не решается выйти из машины, поднял брови. – Да в чем дело, Ксения?

– Вы меня обманули, – резко бросила она. – За нами гнались.

– Ах, вон в чем дело, – протянул Бельмас. – Не гнались, а ехали. Вам легче стало? Хорошо. Вам что, кажется, будто мы заманили вас и хотим в доме прикончить? Подумали бы тем, что есть у всех людей на плечах: если б мы задумали подлый финт, то почему по дороге не исполнили его? Горбуша, неси

вещи к дому.

Они перенесли баулы и сумки, Ксения все не выходила из машины. Бельмас разозлился, схватил ее и вытащил, возмущаясь:

– Мне надоело возиться с вами! Я вам жизнь спасаю, а вы от страха совсем голову потеряли. Вот ключ, потренируетесь – научитесь закрываться. Электричество в доме есть, газа нет. Найдете примус, спросите у соседей, как им пользоваться. Во дворе печка, так что с голоду не умрете. Свежий воздух, парное молоко, речка – поправляйте здоровье и головку.

Он сел в машину, Горбуша завел мотор. Ксения, оставшись с дочерью возле дороги, в полной растерянности смотрела им вслед, потом пошла к дому. Войдя внутрь, покривилась – запустение жуткое.

– Мы потеряли их, – докладывал Шаху Склиф. – Кажется, они догадались, что мы их ведем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.